

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ и ФРАНЦИЯ

Статьи В. Нечаевой и С. Дурылина

Под общим заглавием «П. А. Вяземский и Франция» мы печатаем документы и статьи, относящиеся к изучению истории отношений Вяземского к французской литературе и журналистике 1810—1830 гг. Первые две работы—«Французская литература и П. А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху» (В. С. Нечаевой) и «П. А. Вяземский и „Revue Encyclopédique“» (С. Н. Дурылина)—охватывают период политической оппозиционности в биографии Вяземского и его единомыслия с либерально-конституционным движением во Франции 20-х годов XIX в. Работа В. С. Нечаевой, на основании ряда неизданных высказываний и выписок Вяземского из французских писателей XVIII и XIX вв., дает обзор его основных привязанностей в области французской литературы в преддекабрьскую эпоху. Статья С. Н. Дурылина впервые раскрывает историю литературных сношений Вяземского с одним из виднейших представителей либеральной журналистики начала XIX в.—с Марком-Антуаном Жюльеном де Пари, другом Робеспьера и редактором «Revue Encyclopédique». Третья работа—«П. А. Вяземский в Париже в 1838—1839 гг.» (В. С. Нечаевой)—рисует Вяземского уже за рубежом 14 декабря 1825 г., в эпоху, когда он делал первые, но уже достаточно определенные шаги к примирению с крепостнической государственностью Николая I.

Посещение Вяземским Парижа в 1838—1839 гг.—это эпилог наиболее интенсивной поры его интересов в области французской литературы и общественно-политической жизни Франции. Никогда уже после эти его интересы не были столь плодотворны и жизненны для него. Но это, вместе с тем, и эпилог лучшей поры его жизни, когда он «шел с веком наравне»—дорогой прогрессивной политической мысли и освободительной поэзии. Публикуемые в последней работе письма Вяземского издаются впервые.

I. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА и П. А. ВЯЗЕМСКИЙ В ПРЕДДЕКАБРЬСКУЮ ЭПОХУ

«...Воображение зовет меня в Италию, какое-то своенравие—в Гишпанию, ум—во Францию, душа—в Германию... По настоящему, должно повиноваться уму постоянно, на время отдать себя воображению и сделать маленькую уступчивость своенравию: вот как судьба расположит мою жизнь; если желания мои до нее доходят»¹.

Так писал Вяземский А. И. Тургеневу в 1819 г. из Варшавы, где его давняя тяга в Европу и, в частности, во Францию, под влиянием тесной связи, соединявшей Польшу с Европой, нашла свое отчетливое выражение.

Ум звал Вяземского во Францию, и, повинаясь ему, он хотел бы именно ее избрать местом своего постоянного пребывания. Действительно, вся история умственного развития Вяземского определяла этот выбор.

В годы детства Вяземский находился под влиянием отца, европеизированного вельможи, стремившегося, по насмешливому замечанию совре-

менника, «в Пензе создать Лондон». Исколесивший в молодости все страны Европы и женившийся на иностранке, отец Вяземского и в России окружал себя иностранцами, следил за иностранной литературой, был поклонником энциклопедистов и Наполеона. Его сын рос на руках гувернеров-французов и усвоил французскую речь ранее, чем русскую. Пребывание в пансионе иезуитов в Петербурге содействовало укреплению у мальчика европейских симпатий. Первые литературные опыты Вяземского показывают в нем прилежного ученика французских поэтов XVII—XVIII вв., да и все дальнейшее поэтическое творчество Вяземского было отмечено влиянием этих первых литературных учителей. Из поэтов пушкинской плеяды Вяземский теснее всех связан с французской литературой.

Однако, не только поэзия Вяземского, но и все его политические и общественные взгляды в первую половину жизни складывались под воздействием общественной и политической жизни Франции. После короткого периода (1812—1815), когда война с Наполеоном и взятие Парижа вызвали взрыв бурного патриотизма в среде, к которой принадлежал Вяземский, начинается период его все углубляющейся критики России. Параллельно растет его интерес к общественно-политической жизни Европы и, прежде всего, Франции. Именно сочинения французских писателей оказали наибольшее влияние на укрепление либеральных и оппозиционных настроений Вяземского преддекабрьской поры. Первое место здесь—по времени и силе оказанного воздействия—принадлежит Вольтеру.

Писатель - Бриарей! Колдун! Протей-писатель!

Вождь века своего, умов завоеватель,

В руке твоей перо—сраженья острый меч

Покаюсь: я люблю с тобою рассуждать;

Во след тебе итти от важных истин к шуткам

И смело пламенеть враждою к предассудкам.

Так характеризует Вяземский Вольтера и свою любовь к нему в стихотворении 1817 г. «Библиотека»². В своей переписке и дневниковых записях он постоянно цитирует Вольтера, а в 1818 г. отзывается на новое издание его писем специальной статьей, которая, однако, не была пропущена цензурой³.

Но откровеннее, чем в стихах и статье, предназначенных для печати, раскрывает Вяземский значение Вольтера в своих «Записных книжках». Здесь он прямо ставит его имя в связь с французской революцией и, защищая Вольтера, высказывает свое отношение к революции и роли писателей в ней.

«Запоздалые в ругательствах, коими обременяют они Вольтера, называют его зачинщиком французской революции. Когда и так было бы, что худого в этой революции? Доктора указали на антонов огонь. Большой отдан в руки неискусному оператору. Чем виноват доктор? Писатель не есть правитель. Он наводит на прямую дорогу, а не предводителствует. Требуйте ответа от творца: зачем добро постигается здесь часто страданиями творения? А теперь, когда кровь унята и рана затягивается, осмелитесь сказать, что революция не принесла никакой пользы! Народы дремали в безнравственном расслаблении. Цари были покойнее, но достоинство человечества не было ли посрамлено? Как ни говорите, цель всякой революции есть на деле, или в словах, уравнение состояний,

обезоружение сильных притеснителей, ограждение безопасности притесненных; предприятие в начале своем всегда священное, в исполнении трудное, но не невозможное до некоторой степени»⁴.

Вслед за Вольтером на развитие политических и социальных взглядов Вяземского оказали сильное влияние сочинения Монтескье и Дидро.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ
Акварель С. Дица, 1838 г.
Исторический музей, Москва

Вяземского пленяют четкость и остроумие формулировок Монтескье, и он заносит в свои записные тетради:

«Душа республиканского правления—добродетель, монархического—честь, деспотического—страх. Светозарное разделение Монтескье. Здесь глубокомыслие кроется под остроумием. Сначала пленишься им, а после убедишься».

«Монтескье говорит: le peuple est admirable pour choisir ceux à qui il doit confier quelque partie de son autorité.

Tous les coups portèrent sur les Tyrans, aucun sur la tyrannie. Montesquieu».

[Народ достоин удивления, когда выбирает тех, кому должен доверить долю своей власти.

Все удары падали на тиранов и ни один на тиранию (Монтескье, «Дух законов»)].

«Все счастье народа, сказал Монтескье, состоит в мнении, которое он имеет о кротости правительства. Министр недогадливый хочет всегда показать вам, что вы невольники; хотя и было бы так, долг его то утаивать»⁵.

Еще более выразительны цитаты из Дидро, который был учителем Вяземского—атеиста, материалиста и скептика. «Злопамятный бог», «бог-палач» («И где отца искал—нашел я палача») поздних стихотворений Вяземского⁶ вспоминаются при чтении тех страниц его рукописи «Записной книжки» за 1818—1819 гг., где он цитирует Дидро. Вот эти записки, не вошедшие в печатный текст «Записных книжек», конечно, вследствие идеологических принципов издателя.

Первая цитата на стр. 26 рукописи тщательно зачеркнута карандашом, но все же может быть прочтена: «Ce Dieu, qui fait mourir Dieu pour apaiser Dieu, est un mot excellent du Baron de la Hontan (Diderot)».

[Этот бог, заставляющий умирать бога, чтобы умиротворить бога,—прекрасное выражение барона де ла Гонтан (Дидро)].

Далее не зачеркнуто:

«Зачем наказывать виновного, когда уже никакой пользы от наказания его извлечь не можешь? Наказывающему для одного себя должно быть весьма жестоким и злым».

Опять тщательно зачеркнуто:

«Какой добрый отец хотел [бы] походить на нашего небесного отца?».

Далее не зачеркнуто:

«Какая соразмерность между обидчиком и обиженным? Смесь нелепостей и ужасов! И за что так (гневается) раздражен этот бог? Не подумаешь ли, что я могу учинить что-нибудь в пользу или вопреки его славы, в пользу или вопреки его спокойствия, в пользу или вопреки его благополучия.

Хотят, чтобы бог жег злого, против него бессильного, в пламени бесконечном и едва позволили бы отцу осудить на смерть преходящую сына, восставшего против его жизни, чести и благосостояния!

О христиане! Итак у вас два различных понятия о благодати и злобе, истине и лжи. Вы, следственно, нелепейшие из догматистов или запальчивейшие из пирронистов (Diderot)».

На стр. 32а читаем вновь цитату из Дидро:

«In dolore paries [genes]. Tu engendreras dans la douleur, dit Dieu à la femme prévaricatrice. Et que lui ont fait les femelles des animaux, qui engendrent aussi dans la douleur? (Diderot)».

[В муках будешь рожать ты,—сказал бог женщине, нарушившей запрет. Но что сделали ему самки животных, которые также рожают в муках? (Дидро)].

Можно было бы привести не мало подобного рода цитат из переписки Вяземского этого времени. Эти цитаты свидетельствуют не только о пристальном внимании Вяземского к сочинениям Вольтера, Дидро, Гольбаха и других энциклопедистов, но и о горячем сочувствии его идеям французской просветительной философии XVIII в.

В своей книге о Фонвизине Вяземский негодует на Фонвизина за то, что он осмелился с порицанием отнестись к торжествам по случаю приезда

Вольтера в Париж: «Разве один граф Мейстер [Жозеф де Местр] мог перещеголять фон-Визина, и то, когда он воздвигал памятник Вольтеру рукою палача». «Париж,—пишет Вяземский,—был в то время род вселенского собора умов и знаменитостей, куда из разных концов Европы стекались для совещания о важных вопросах наук, искусств и философии; род избранного салона, куда отборные члены человеческого общества спешили после трудов, совершенных ими в пользу отечества и ближних, вкушать удовольствия просвещенного досуга, возвышенные награды самолюбия и сии нравственные наслаждения, которые можно назвать плодами одной зрелой образованности, одного зрелого общежития».

Политические писатели и ораторы либерально-оппозиционной Франции 1810—1820 годов: г-жа де Сталь, Бенжамен Констан, Фуа, Жюльен, Гизо, которыми увлекался в эти годы Вяземский, были в его глазах преемниками энциклопедистов и философов-просветителей.

Обильным чтением иностранной, в первую очередь французской, литературы отмечены как годы жизни Вяземского в Варшаве, так и более поздние годы жизни в Москве. В 20-х годах Вяземский ежегодно покупал все доступные привозные новинки в книжных магазинах, выписывал из Парижа по оказии то, что нельзя было достать иначе, получал книги от друзей и т. д. Почти все его письма испещрены упоминаниями о читаемых им французских книгах⁷. Интерес к политической жизни современной Франции возбуждал особое внимание к ее периодике, к журналам и газетам. Все симпатии Вяземского в этот период были на стороне левой, оппозиционной прессы. Однако, он следил и за реакционными изданиями, как, например, за «Conservateur», но, возмущенный, дал ему однажды такую уничтожающую характеристику (24 июля 1819 г.):

«Что за иеремиада этот парижский «Conservateur»! Точно нищий, заливающийся притворными слезами и по любви к Христу ненавидящий богачей. Вот что значит совесть! Конечно, Шатобриан—красноречивейший из французских писателей нынешнего времени, но голос его не убеждает, потому что он совестью не управляет, или совестью, но не чистою, а отуманенной предрассудками или чадом озлобленного самолюбия».

Все удары его косвенны, и самые искры истины бледнеют в разноцветных огнях лжи; вспыхнув, угасают, а с ними и вечный пламень, неприметно сгоревший в этом фейерверке. Он и братия так восстают против полезнейших и священнейших завоеваний нашего века, что усилия их, благие против иных злоупотреблений, издыхают в их бешеных судорогах. Им надобно бы расставить оберегательные огни по опасным скалам, а они разливают пожар по всему берегу. Впрочем, нет худа без добра; торжество никогда на стороне их не будет; одна умеренность (но не равнодушие) все превозмогает. Революционисты должны падать, либералисты устоять»⁸.

Большой интерес высказывал Вяземский к антироялистическому изданию, проникнутому симпатиями к Бонапарту,—«Le Nain Jaune», или «Желтый Карла», как его называли по-русски современники Вяземского. Ядовитые шутки этого журнала, направленные против консервативных писателей и политических деятелей, неоднократно использовались Вяземским в применении к русским мракобесам. Вяземский, между прочим, внес в «Записную книжку» следующую любопытную заметку о «Le Nain Jaune» и о влиянии его на русских читателей: «Ж е л т ы й К а р л а» может научить шутить забавно. Наша молодежь учится по нем тайнам государственных наук. Это—«Кормчая книга» наших будущих преобра-

зователей»⁹. Запрещенный при Бурбонах, «Le Nain Jaune» впоследствии превратился в журнал «Liberal», который также внимательно читался Вяземским. Особенно привлекали его внимание сообщения о России и Польше, обличавшие невежество и произвол царской власти.

Для периода варшавской жизни Вяземского характерно стремление опереться в своих оппозиционных настроениях на передовое, либерально-конституционное движение европейских стран и Франции, прежде всего, и установить связь между этим движением и делом подготовки «будущих преобразователей» России. Писателей Запада, боровшихся с феодальной реакцией в Европе, Вяземский рассматривает, как своих политических союзников. Он негодует на близорукость консерваторов, не способных понять исторической неизбежности наступления в Европе новой эры буржуазных конституций. Раздраженный, он пишет Тургеневу 7 декабря 1820 г.: «Я слышал от этих дураков: «На месте царей сослал бы я куда-нибудь на отдаленный остров всех этих крикунов (говоря о В. Constant, Gerene и других) и все пошло бы, как по маслу». Врали! Вы не знаете, что эти имена, которые вас пугают, только что ходячие знаки капитала, который разбит по рукам целого поколения возмужавшего и мужающего. Истребите их—явятся другие»¹⁰.

В плане этого осознания себя, как одного из представителей «мужающего поколения Европы», как одного из деятелей общеевропейского либерально-оппозиционного движения, и надо рассматривать внимание Вяземского к передовым освободительным течениям Франции своего времени. Вяземский—не сторонний наблюдатель горячих политических и журнальных боев, имевших место во Франции в эти годы, а заинтересованный участник этих боев, хотя и находящийся на самом отсталом в то время и отдаленном участке поля сражения.

Не только образ мыслей, но и самый стиль сочинений французских либералов являлся образцом для прозы Вяземского. Он решительно противился стилевым исправлениям своих друзей, в которых не находил «ни капли конституционной крови» (например, в Жуковском), и защищал шероховатость стиля против обезличивающего подглаживания и подчистки языка.

«Я в письме к Карамзину называю некоторые свои пятна родимыми пятнами. Этих стирать не должно, а не то сотрешь кожу и будешь ободранною рожей. Нынешние французские писатели: Benjamin, Etienne, Guizot, Kératry, Bignon так ли пишут, как блаженные памяти Batteux и другие писатели légitimes? Тут делать нечего: политические события и перья очинили на другой лад. Живописный, неровный, остроконечный слог Монтеня более подобает нам, чем другой, округленный, чинный и вытягивающий пальцы по квартирам. Образ политических мыслей невольно отзывается и в образе излагать мысли свои и не политические» (письмо к А. Тургеневу 30 янв. 1822 г.)¹¹.

Из поименованных Вяземским писателей наибольшее значение для него в этот додекабрьский период имел Бенжамен Констан. Но, прежде чем перейти к нему, скажем несколько слов о названном вслед за ним Этьене.

Рабо де Сент-Этьен (1743 — 1793) — политический деятель, автор нескольких исторических трудов и сочинений политического характера — очень импонировал Вяземскому¹². В его «Записной книжке» находится одна чрезвычайно выразительная выписка—перевод или пересказ из

какого-то произведения этого писателя. Эта выписка не была напечатана в опубликованном тексте «Записных книжек». Приводим ее здесь:

«Rabaut de Saint-Etienne: Как жестоки быть не могут войны, которые последуют за объявлением прав, но объявление сие провозгласившие должны избежать упреков; прежде надлежало бы жаловаться тому, что печатание было изобретено. Поток мнений только оттого становится

*Je serois charmé de procurer
à Monsieur le Prince Wiasemski le
billet qu'il desire. Mais j'ai l'honneur de
le prévenir qu'il n'y aura point de séance
publique. Le Roi n'ouvrira point la
session en personne. Ainsi, nul discours
de la couronne, et nulle cérémonie
particulière.*

*Je prie Monsieur le Prince Wiasemski
de vouloir bien agréer l'hommage, de ma
considération la plus distinguée*

Monsieur 2 Avril 1839

Rabaut

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГИЗО К П. А. ВЯЗМСКОМУ ОТ 2 АПРЕЛЯ 1839 г.

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

широким и стремительным, что он накапливается многими ручьями и проливается через поколение».

«Христиане долго таили свой евангелий и тогда только его обнародовали, когда оказались в силе. Евангелий объявления прав вверен был народу нескромному и легкомысленному, который все говорит, что знает. Вот все, на что можно жаловаться рассудительно: но объявление прав настигло, как комета исчезающая показывается в свое время: астрономы ее предсказали».

«Невыгода народов заключается в их невежестве, рассеянии, в разнообразии языков, обычаев, законов и нравов и в нелепости народных

ненавистей. Цари пользуются войсками, золотом народов и навыком власти: они все говорят одним языком, имеют послов, лазутчиков, переписки и договоры, быстроту хотения, согласия и исполнения, а к тому же все знают, что они и братья двоюродные.

Далее Вяземский выписывает довольно длинные рассуждения о том, как распространяется и укрепляется в народе «истина», и заключает выписку следующей цитатой:

«Вся политика Франции заключается отныне в распространении просвещения и свободе печатания. Букварь будет учителем грядущего поколения и начальные училища Франции училищами рода человеческого».

Последние слова Этьена вполне разделялись Вяземским в эту эпоху. Сам он полной горстью черпал из французской литературы и журналистики нужные ему знания и аргументы в своей оппозиции самодержавию. Наиболее авторитетным учителем для него был в это время Бенжамен Констан, как известно, оказавший большое влияние и на взгляды ряда декабристов (Оболенский, Рылеев, Поджио и др.).

Бенжамену Констану и его журналу «Minerve» посвящены многие восторженные строки Вяземского в его переписке. «Читаешь ли Минерву, катехизис друзей положительной свободы?»—спрашивал Вяземский Тургенева 3 декабря 1818 г. и восклицал с восхищением: «Какой твердый и ясный ум у этого Benjamin! Отними иногда личное пристрастие, личные выгоды, и он важнейшие политические, т. е. государственные, задачи решит, как дважды два—четыре»¹³. Вяземский был искренно огорчен, когда Б. Констан не прошел в палату депутатов, несмотря на специальное воззвание, с которым Констан обратился к избирателям. «Мне грустно: как можно было не избрать Benjamin?»—замечает Вяземский в письме к тому же Тургеневу. Его не смущают изменения в политических взглядах и отношениях Б. Констана. Наоборот, он берет его под свою защиту, внося в «Записную книжку» следующие размышления: «Мы должны служить не тому и не другому, но той нравственной силе, коей тот или другой является представителем. Я меняю кафтан, а не лицо. И если Benjamin переносил свои мнения от двора Наполеона ко двору Людовика и обратно, то может он избежать осуждения; но дело в том, чтобы переносить мнения, а не слова»¹⁴.

Цитаты из журнала Б. Констана «Минерва» в «Записной книжке» и письмах к А. Тургеневу показывают, что Вяземский внимательно следил за этим журналом и скреплял его авторитетными высказываниями свои собственные политические мнения. Когда «Минерва» прекратила существование, Вяземский стал читателем газеты «La Repomtée», которую основал Б. Констан в 1819 г. и которая через год была запрещена. Участие Б. Констана в «Le Courrier Français» в качестве редактора с 1820 г. привлекло внимание Вяземского и к этому журналу.

В течение всех 20-х годов Вяземский прислушивался ко всем известиям о Б. Констане, получаемым из печатных источников и письменных (переписка с А. Тургеневым и др.), а в конце этих лет приступил к переводу его романа «Адольф». В своем посвящении перевода Пушкину Вяземский написал следующие строки, которые выражают всю глубину уважения его к автору переводимого романа: «Прими мой перевод любимого нашего романа. Смиранный литограф, приношу великому живописцу бледный снимок с картины великого художника. Мы так часто говорили с тобою о превосходстве творения сего, что, приняв-

шись переводить его на досуге в деревне, мысленно относился я к суду твоему...».

Переводя в 1829—1830 гг. роман Б. Констана, Вяземский питал надежду познакомить с переводом самого автора романа и, может быть, познакомиться с ним самим при поездке в Париж. «Если встречаешь где-нибудь Benjamin Constant, скажи ему, что он скоро получит от меня перевод мой «Адольфа» его. Перевод кончен и переписывается»,—писал Вяземский в Париж А. Тургеневу 25 апреля 1830 г., на что последний ему отвечал 2 июня того же года: «Я уже заявил Бенжамену Констану о твоём намерении прислать ему перевод его романа»¹⁵. Однако, смерть Б. Констана в 1830 г. разрушила надежды Вяземского на личное знакомство, и он разочарованно записал в дневнике под 24 декабря 1830 г.: «Все мои европейские надеждишки обращаются в дым. Вот и В. Constant умер; а я думал послать ему при письме мой перевод «Адольфа». Впрочем, Тургенев сказывал ему, что я его переводчик. Редет, мелеет матушка Европа. Не на кого будет и взглянуть. Все ровня останется»¹⁶.

Если с Б. Констаном Вяземскому не удалось познакомиться, то с другим политическим деятелем Франции, Гизо, интерес к которому возник у Вяземского в самом начале 20-х годов, ему впоследствии удалось сблизиться и лично.

В конце 1820 г. Вяземский читал с большим вниманием книгу Гизо: «Du gouvernement de la France depuis la restauration et du ministère actuel», которая выдержала в этом году в Париже три издания. Цитируя ее в письмах к А. Тургеневу, Вяземский давал о ней следующий отзыв: «Есть много дельного... Есть много портретов не столь блестящею кистью, как у Констана, написанных, но хорошо образующих лица отставных и действующих делотворцев Франции» (21 ноября 1820 г.)¹⁷.

Вяземский сделал попытку перевести отрывки из книги Гизо на русский язык и, предполагая их напечатать в «Сыне Отечества», послал свою работу А. Тургеневу для помещения в печать. Интересно, что Вяземский ощутил большие трудности при переводе либеральных политических рассуждений Гизо «на наш язык неволи» и очень остерегался исправлений перевода петербургскими друзьями, которым либерализм этот был более чужд, чем ему, и которые более его боялись цензуры.

«Зачем не печатаете вы моего Гизо, расставщики новых и строчных препинаний!—воскликнул Вяземский в письме к А. Тургеневу в феврале 1821 г.—Исправьте что хотите: прозу отдаю вам. Пускай и цензура чего не пропустит: точки да точки! Они отныне будут вывескою мыслящего пера. Пускай и всего не пропустят и то не бесплодно. Архивы цензорские завалятся моим письмом. Придет день суда и расправа учинится. За что же вам, друзьям моим, зажимать мне рот?»¹⁸.

Перевод Вяземского так никогда и не появился в печати. Но интерес его к Гизо не только не ослаб, но все возрастал в течение всех 20-х годов.

Для более полной характеристики французских интересов Вяземского в 20-х годах скажем еще несколько слов о его пристальном внимании к современной ему французской художественной литературе.

Прежде всего надо отметить, что Вяземский был одним из первых поклонников в России великого песенника, демократа Беранже. В одной из ранних «Записных книжек» Вяземского (1813—1821), куда он вносил лишь записи о близко интересовавших его вещах, мы находим тексты ряда песен Беранже: «La fée Urgande», «La petite fée» (1817), «Le ventru» (1818), «La

sainte alliance des peuples» (1818), «Nouvel ordre du jour» (1823), «Le bon Dieu» (1820), «Le Dieu des bons gens» (1817), «La mort du roi Christophe» (1820), «Les Mirmidons ou les funérailles d'Achille» (1819), «Le cinq Mai» (1821).

Тексты этих песен Вяземский, очевидно, получал с оказией из Парижа и иногда ранее их появления во французской печати.

Получая в Варшаве новинки из Парижа, Вяземский слал друзьям в Петербург вместе с другими новостями и новые песни Беранже и просил Пушкина перевести их на русский язык (письмо к А. Тургеневу от 17 ноября 1818 г.). Одну из присланных песен, а именно «La petite fée», приятель Вяземского, Плещеев, положил на музыку и исполнял ее в собрании петербургских друзей.

Несомненно, что собственные сатирические песни Вяземского, с их характерным повторяющимся припевом, созданы не без влияния знаменитого французского песенника.

С большим уважением относился Вяземский к г-же де Сталь. Еще в 1817 г. он посвятил ей следующие строки:

О, долго будешь ты воспоминаньем славен,
Коппет! где Неккеру, игре народных бурь
Блеснула в тишине спокойствия лазурь,
И где изгнанница тревожила из ссылки
Деспота чуткий ум и гнев, в порывах пылкий.
В сияньи, он робел отдельного луча:
И мир поработив владычеству меча,
С владычеством ума в совместничестве гордом
Он личного врага воюя в мненьи твердом,
Державу мысли сам невольно признавал.

В 1822 г. Вяземский поместил в «Сыне Отечества» (ч. 79, № 29) небольшую статью по поводу изданного неким Габбе—офицером, служившим в Варшаве,—сочинения под названием «Биографическое похвальное слово г-же Сталь-Гольштейн». В этой статье Вяземский дал чрезвычайно высокую оценку французской писательницы: «Следы, ею проложенные, глубоко врезались на почве французской литературы, и влияние ее на умы и души современников принадлежит истории». Кроме того, Вяземский отметил, что в жизни г-жи де Сталь «с л о в о было заодно с д е л о м... Вся жизнь ее была красноречивым дополнением к красноречивым творениям».

В той же плоскости интереса к оппозиционной либеральной литературе Франции лежит увлечение Вяземского романом Шарля Нодье: «Jean Sbogar». Не зная еще автора произведения, Вяземский давал ему следующую восторженную характеристику: «Есть ли у вас «Jean Sbogar», новый роман и не русским ли он сочинен?.. Тут есть характер разительный, а последние две или три главы—ужаснейшей и величайшей красоты. Я, который не охотник до романов, проглотил его разом» (20 окт. 1818 г.)¹⁹.

Несмотря на охлаждающие отзывы друзей, Вяземский продолжал восторгаться произведением Шарля Нодье, цитировал его в письмах и в скобках приписывал: «„Jean Sbogar“, который, что ни говорите, очаровательный роман».

Повествование Нодье о разбойнике-философе, написанное в духе социальных идей Французской революции, оказалось родственным личным

переживаниям Вяземского этого периода. В одном неопубликованном письме к А. И. Тургеневу от 9 марта 1820 г. находим отрывок, в котором Вяземский использует высказывания Жана Сбогара, чтобы ярче обрисовать свои собственные переживания:

«...Я уверен, мне никогда в русском обществе нельзя будет ужиться: я почти постигаю Jean Sbogar'a, когда он говорит о невнимании к нему девиц, ослепленных блеском света и ласкательствами изнеженных обожателей: «Я с испугением думал тогда, что сладостно будет мне отучить их некогда от предубеждений их надменности, проливая кровь перед ними или пугая заревом пожара!»—и переносу это чувство к ареопагу гостиных...».

Подводя итоги беглому обзору высказываний Вяземского в преддекабрьскую эпоху о французской политической и художественной литературе, можно констатировать, что Франция в эту пору подлинно являлась для него руководительницей в его политических убеждениях, литературных вкусах и работе. К Франции, точнее, к либеральной Франции, находившейся в оппозиции к реставрированной монархии Бурбонов, были направлены все стремления, мечты и личные надежды Вяземского.

Возможность реакционного влияния царской России на политику Европы приводила Вяземского в ужас: «Что же за власть ума, что за владычество просвещения, если этот труп может наложить руку на Европу живую? Я первый скажу: Франции, если спросили бы меня, кому хозяйничать в Европе: ей или России в нынешнем ее положении» (письмо к А. Тургеневу, ноябрь 1819 г.)²⁰.

ШАРЛЬ НОДЬЕ

Фарфор завода Миклашевского,
1850-е гг.

Частное собрание, Москва

Во Франции Вяземский видел своего союзника в оппозиции самодержавной и крепостнической России, из которой в минуты отчаяния был готов бежать хотя бы навсегда.

В. Нечаева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

О. А.	Остафьевский архив князей Вяземских. Изд. гр. С. Д. Шереметева, тт. I—IV, СПб. 1899—1908; т. V в двух выпусках под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера, СПб. 1909—1913.	Вяземский—	Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, 12 томов. Изд. С. Д. Шереметева. СПб. 1878—1886.
		Р. Е.	«Revue Encyclopédique».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О. А., I, стр. 337. Письмо от 25 октября 1819 г.

² Перечисляя в этом стихотворении «путеводителей, наставников, друзей» своей поэзии и своего умственного развития, Вяземский в первую очередь называет французские имена. Среди них, кроме Вольтера,—Андре Шенье («певец и мученик свободы»), Ж.-Ж. Руссо («враг общества и человека друг»), г-жа де Сталь («Плутарховых времен достойная Коринна, философ мудростью и пламенем поэт») и др. См. П. А. Вяземский, Избранные стихотворения. Ред. В. С. Нечаевой. «Academia», 1935, стр. 146 и сл.

³ Вяземский, I, стр. 65—70. Статья написана по поводу книги «Lettres inédites de Voltaire». Paris, 1818.

⁴ Запись Вяземского о Вольтере публикуется полностью впервые по рукописному тексту его «Записной книжки». В тексте, опубликованном в соч. Вяземского (т. IX, стр. 30), находим лишь первые 6 строк. Остальное опущено, конечно, по идеологическим соображениям издателя.

⁵ Последние две цитаты из Монтескье также опущены в печатном тексте «Записных книжек» и публикуются впервые по рукописи.

⁶ П. А. Вяземский, Избранные стихотворения. Ред. и комм. В. С. Нечаевой. «Academia», 1935, №№ 143 и 144.

⁷ В архиве Вяземского, находящемся в ГАФКЭ, сохранился интересный документ—список-счет книгам, купленным Вяземским в одном из книжных магазинов в 1818—1820 гг. (магазин Glückberg). Приводим его здесь, как свидетельство о чтении пушкинского современника незадолго до декабрьского восстания.

1818		Novembre	15—Correspondance Politique
	1—Al. à la Minerve, 1818		17—Précis historique sur la Révolution
	21—Malvine en Français, 2 vol.		» Historia Polska, Bandkiego
Octobre	5—L'officieux		» Dictionnaire d'Anecdote
	17—Wallenstein tragédie	1820	
	» Almanach des Dames	Janvier	4—Œuvres de Mirabeau
Novembre	11—Campagne de Belgique		» Œuvres de M-me de Staël
	24—Poésie de Chénier		» Jugement sur Napoléon
Décembre	2—Pièces de théâtre		» Louis XVI et ses défenseurs
	3—L'Allemagne Fédérative	Février	3—Lionel
	» Souvenirs et Portraits		» Mémoires de Joséphine
	» Der Election		» Congrès de Carlsbad
	» Cours de Politique		» Soupers de Momus
	14—Fables de Lafontaine, 2 vol. papier velin		» Poésie de Charrin
	» Lettres inédites de Voltaire		10—Nain Jaune
	» Conversation sur l'Economie politique		» Le nouveau Caveau
1819			» Clenarvin [?]
Mai	7—Eloge de Romilly		» Œuvres de M-me de Staël
	» Lettre de Napoléon à Carnot		» Dictionnaires des abus
			» Le Royaume de Westphalie

Mai	7	Mémoire d'un homme célèbre	Février	10	Œuvres de Lord Byron
	»	Examen de Sturdza	Mars	22—	Document sur Napoléon
	»	Belizaire		1—	Chanson de Ségur
Juin	»	L'Esprit de vérité		»	Œuvres de Lebrun
	21—	Thérèse Aubert, Correspondance de Napoléon	Juin	6—	Abécédaire
	22—	Satyre de Juvenal		30—	Fabres de Jaufret
Août	[2]9—	3-e Recueil sur S-te Hélène		»	Les animaux parlants
	»	Marie Stuart	Août	15—	Manuel pour la jeunesse
	31—	Reflexion sur l'histoire		18—	Lord Byron 4. 5. 6. 7.
Novembre	»	Mémoire sur le partage de la Pologne		Œuvres de M-me de Staël	
	15—	3-e Congrès de Carlsbad	Septembre	21—	Histoire universelle par Muller
	»	Leçons pour les Enfants		31—	Mémoires sur Napoléon
	»	Table de la Littérature		9—	Journal de la diète
	»	Fragment de la Littérature		»	Dyavynaz [?]
	»	Jérusalem délivré par R. Lormion		12—	Elections p. Pradt
				B. Constant	
				Annuaire de Peinture, 1819	

Обилие в этом списке исторических и политических сочинений, касающихся современного состояния Европы, особенно характерно для Вяземского этих лет. Многочисленные сочинения того же рода получал Вяземский от А. Тургенева, который имел особенно благоприятные условия для того, чтобы получать новинки из Парижа. Тургенев получал книги ящиками от брата Сергея, находившегося за границей, при посредстве курьеров и многочисленных знакомых, возвращавшихся из заграничных путешествий. Все книжные новинки скоро попадали в руки Вяземского для прочтения.

⁸ О. А., I, стр. 273—274.

⁹ Вяземский, IX, стр. 11.

¹⁰ О. А., II, стр. 117.

¹¹ О. А., II, стр. 242.

¹² Иного мнения был о нем Пушкин, который в письме от 5 июля 1824 г. охарактеризовал его: «Рабо де С-т Этьен—дрянь». См. «Переписка Пушкина», изд. Академии наук, т. I, стр. 123.

¹³ О. А., I, стр. 161.

¹⁴ Вяземский, IX, стр. 23.

¹⁵ О. А., III, стр. 196 и 205.

¹⁶ Вяземский, IX, стр. 155.

¹⁷ О. А., II, стр. 106.

¹⁸ Там же, стр. 156.

¹⁹ О. А., I, стр. 133.

²⁰ Там же, стр. 347.

П. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ и «REVUE ENCYCLOPÉDIQUE»

В биографии Вяземского 1821 г. знаменателен: до этого года поэт и критик, он в то же время—крупный чиновник, своею деятельностью в царстве Польском вызывавший одобрение императора Александра I; после этого года он—«революционер и карбонар», высланный из Варшавы по приказу цесаревича Константина Павловича и проживающий на положении опального изгнанника в своей подмосковной вотчине, Остафьеве¹.

«Либералист» и сторонник независимости или, по крайней мере, автономии Польши, Вяземский в 1812—1821 гг. принял живое участие в показательных конституционных опытах, предпринятых тогда Александром I на польском участке его самодержавно-российского поместья. Эти опыты Вяземский принял настолько всерьез и проявил при этом столько конституционного пыла и «либералистского» жара, что дождался в 1821 г.

грубого окрика со стороны Александра I: ему был объявлен «гнев государя» и запрещен въезд в Варшаву. Вяземский занял тогда слишком левую позицию для того, чтобы аракчеевское правительство Александра могло ее терпеть. Он—на-зло заправилам/ Священного союза—направо и налево объявлял себя солидарным с конституционалистами оппозиционной Франции. На старости лет он признавался: «Политическая трибуна представителей французского народа была в то время богата великими и красноречивыми ораторами. Я, грешный человек, особенно любовался и увлекался красноречием ораторов левой стороны»².

О своих «либеральных банкетах» в Варшаве (подлинное выражение Вяземского) он уведомлял А. И. Тургенева: «У меня каждый раз прения французской палаты, преют за варшавским обедом»³.

В одном своем отрывке Вяземский хорошо выразил свои обвинения, предъявлявшиеся им тогда правительству Александра I: «В обществе, где я не имею законного участия по праву того, что я член одного общества, я связан. Читая газеты, видя, что во Франции и Англии человек пользуется полнотою бытия своего нравственного и умственного, видя там, что каждая мысль, каждое чувство имеет свой исток и применяется к общей пользе, я не могу смотреть на себя иначе, как на затворника в тюрьме»⁴.

В этом отрывке—весь Вяземский, с его подлинным социальным мироощущением. Он не вносит ни одной политико-социальной поправки к аристократическому конституционализму Франции и Англии 20-х годов: там, будто бы, «человек пользуется полнотою бытия своего». Распространяется ли там эта «полнота» на «экономическое» бытие, включает ли она в себя все слои населения, об этом Вяземский умалчивает. Он ждет либеральных реформ от правительства. Конституционализм и социальный реформизм должны предохранять Россию от революции. Вяземский был слишком умен, чтобы не знать, что в крепостной России крестьянскую революцию можно надеяться «предотвратить» лишь чем-то более существенным, нежели «свобода печатания» для неграмотного крестьянства, и потому он был сторонником освобождения крестьян на выгодных для дворянства условиях.

Неспособность правительства Александра в 20-х годах воспринять идею реформизма выводила Вяземского из себя, толкая его на резкие политические высказывания в стихах и прозе, которые далеко превышали действительную наличность его либерализма.

Свою «опалу» в Остафьеве Вяземский склонен был расценивать, как гражданскую победу, и с гордой горечью писал А. И. Тургеневу: «Неужели считаешь меня больным от неудачи по службе? Клянусь тебе честью, что предложи мне теперь первое место в государстве или приятнейшее по вкусам моим, при нынешнем положении дел, которого не одобряю, отказался бы я от всего без малейшего усилия»⁵.

Однако, он не мог не понять, что последовательное фрондирование и продолжение варшавских опытов либеральной проповеди через посредство перлюстрируемых писем может кончиться для него плохо, и, еще не засев прочно в Остафьеве, извещал того же приятеля: «Посадили на диету. Письма мои ни дать ни взять будут статьи «Северной Почты» [правительственная газета]. Тс! Уж и тут не проговорился ли я? Да, правда, она покойница: вступиться некому»⁶.

К 1824 г. Вяземский вполне уже ощутил всю «прелесть» опального прозябания в Москве и Остафьеве, под тайным надзором полиции, под тщательной

МАРК-АНТУАН ЖЮЛЬЕН ДЕ ПАРИ

Редактор „Revue Encyclopédique“

Литография 1830-х гг.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина,
Москва

цензурой перлюстраторов, под враждебным нашептыванием великосветской и чиновничьей молвы, которая готова была сделать из конституционалиста-аристократа опасного «карбонария» и «якобинца». 13 августа этого года Вяземский, при вести о ссылке Пушкина в Михайловское, с худо скрытым отчаянием жаловался А. И. Тургеневу:

«Умнейшие из нас, дельнейшие из нас, более или менее, а все вывихнуты: у кого рука, у кого язык, у кого душа, у кого голова в лубках». Не без параллели с самим собой, Вяземский восклицает о Пушкине: «Или не убийство—заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской?»⁷.

Через год (конец августа 1825 г.) Вяземский уже слал Пушкину в Михайловское уроки политического «благоразумия», которому сам научился в Остафьеве: «Покорись силе обстоятельств и времени. Ты ли один терпишь, и на тебе ли одном обрушилось бремя невзгод, сопряженных с настоящим положением не только нашим, но и европейским?.. Хоть будь ты в кандалах... их звук не разбудит ни одной мысли в толпе, в народе, который у нас мало чуток... Оппозиция у нас—бесплодное и пустое ремесло во всех отношениях... Она не в цене у народа. Не ты один на черной доске у судьбы: есть тоже имена честные, но так как они не подписываются в журналах, то их давно уже нет в помине»⁸.

Письмо это подводит итог той оценке политического положения в России, а также и за границей, которая сложилась у Вяземского в годы его опалы; не только Россия, но и Европа находятся во власти торжествующей священно-союзной реакции, и нет никакой надежды на то, чтобы положение скоро изменилось. Вывод как для Пушкина, так и для самого Вяземского отсюда должен быть только один: благодарить судьбу, что рука царствующего Скалозуба назначила в опале быть: одному—в Михайловском, другому—в Остафьеве, а не где-нибудь подальше и похолоднее. Что у Вяземского были основания так думать, свидетельствуют слова следователя по делу декабристов, Николая I, сказанные автору «Доне-

сения» по этому делу, Д. Н. Блудову: «Отсутствие имени его [Вяземского] в этом деле доказывает только, что он был умнее и осторожнее других»⁹. Из всех поэтов пушкинской плеяды, кроме самого Пушкина, Вяземский в 20-х годах был на наибольшем подозрении у правительства.

В новой, остафьевской опале Вяземский оставался горячим сторонником либеральных идей французских конституционалистов.

Через И. Л. Туркула, занимавшего пост главного директора канцелярии статс-секретариата царства Польского, и через других приятелей с видным служебным положением Вяземский имел возможность получать из-за границы книги и журналы, доступ которым в Россию был затруднен или прямо воспрещен. На письменном столе Вяземского не переводились парижские новинки: г-жа де Сталь (посмертные сочинения), Бенжамен Констан, Гизо, Биньон (книга о конгрессе в Троппау), Беранже.

Пристрастие Вяземского к левой французской парламентской трибуне соответствовало его увлечение левыми органами парижской прессы.

В их числе особою любовью Вяземского пользовались журналы Марка Антуана Жюльена—«*Le Constitutionnel*» и «*Revue Encyclopédique*». Вяземский интересовался писательской и журнальной деятельностью этого замечательного человека, имевшего старую и заслуженную репутацию вождя левой прессы еще со времени революции 1789 г. Биография Жюльена (Marc-Antoine Jullien de Paris, 1775—1848) чрезвычайно ярка. Он учился в парижском Collège de Navarre et de Montaigu, когда взятие Бастилии вовлекло его в революцию; он разбрасывал по улицам написанные им самим воззвания с призывом: «Разрушить Бастилию—этого мало. Надо ниспровергнуть трон». Один из его учителей, участвовавший в «*Journal du Soir*», брал его с собою в Национальное собрание и поручал пятнадцатилетнему мальчику составлять отчеты для газеты. Он писал и печатал уже статьи и стихи, когда в 1792 г. вступил в клуб якобинцев и сделался горячим сторонником Робеспьера. Семнадцатилетний юноша пользовался таким доверием своих политических единомышленников, что в 1792 г. ездил в Англию с дипломатическим мандатом (*brevet*). В 1793 г. Жюльен был уже военным комиссаром в Западных Пиренеях и с таким успехом произвел экстренный набор в трех департаментах, что Комитет общественного спасения призвал его в Париж, дал ответственное поручение совершать объезды городов южных и западных провинций, поднимая на местах революционный дух, собирая сведения об общественном настроении и прослеживая происки контрреволюционеров*.

В Сен-Мало он стал во главе отряда волонтеров, действовавших против вандейцев, и после победы дал этому городу имя «*Commune de la Victoire*». Жюльен пользовался большой популярностью в провинции, но, как ярый робеспьерянец, нажил себе там также много врагов и подвергался арестам и преследованиям. Вернувшись в Париж после 9-го термидора, Жюльен подвергся преследованию, как сторонник Робеспьера, в частности, ему ставилась в вину его переписка с последним. Комитет общественного спасения назначил ему 15 дней для представления отчета об его политической поездке, а затем Жюльен был арестован и освобожден лишь в октябре 1795 г. по амнистии IV года. Недолго пробыв начальником

* Находясь в Бордо в 1794 г., Жюльен написал патриотическую пьесу: «*Les engagements des citoyennes*». Текст ее впервые публикуется в первом выпуске настоящего издания по рукописи Жюльена, обнаруженной в СССР.

бюро законов, он подал в отставку и весь отдался деятельности журналиста. Сотрудник «*Journal du Soir*», «*Anti-Fédéraliste*», «*Bulletin politique*», он основал «*Orateur plébéien*», в котором восставал против надвигающейся реакции. Жюльен принял участие в заговоре Бабёфа. Ему удалось, однако, скрыться в деревню, а затем бежать в Италию. Здесь он обратился с письмом к Наполеону, прося, чтобы он принял его в армию. Наполеон поручил ему редактирование газеты «*Courrier de l'Armée d'Italie*»; впрочем, Жюльену вскоре пришлось отказаться от этого дела, так как он не желал поступиться независимостью своих воззрений. Жюльен встречался не раз с Бонапартом в практической работе: ездил в экспедицию в Египет в качестве военного комиссара, участвовал в битве под Аустерлицем и т. д. За визит к г-же де Сталь Наполеон выслал его из Парижа, а в 1813 г. Жюльен был арестован за статью против императора. В эту пору Жюльен выступал в печати решительным противником Бонапарта и его военного режима. Воцарение Бурбонов застало его во главе ярко-оппозиционного органа «*L'Indépendant*», переименованного позднее в «*Le Constitutionnel*». После запрещения «*L'Indépendant*» Жюльен уехал в Швейцарию, куда ездил и раньше к знаменитому Песталоцци, педагогическими идеями которого очень интересовался. С 1818 г. он весь отдался изданию «*Revue Encyclopédique*» и редактировал этот орган до 1831 г. Бурная жизнь революционера и политического деятеля не помешала Жюльену стать одним из образованнейших людей своего времени. Политик и публицист, он был, как ученый, сведущ в физике, как специалист, он интересовался естествознанием и получил известность, как писатель по вопросам педагогики.

Вяземский, как видно из письма его к А. И. Тургеневу от 29 декабря 1835 г., был знаком с сочинением Жюльена «*Essai sur une méthode qui a pour objet de bien régler l'emploi du temps*», вышедшем в 1818 г. Жюльен был известен ему и как поэт: Вяземский был знаком с его известным стихотворением «*La France en 1825, ou mes regrets et mes espérances*», включенным в собрание стихов Жюльена, вышедшее в 1825 г. в Париже вторым изданием.

Вяземский знал Жюльена и еще с одной стороны, мало для всех известной, но особенно примечательной для Вяземского.

В 1817—1818 гг., с ведома и с некоторым участием самого Карамзина, два петербургские француза, Сен-Тома и Жоффре, предприняли перевод «Истории государства Российского» на французский язык. Но одновременно Жюльен и Fursi-Laisné объявили в 1818 г. в Париже подписку на свой перевод этого труда, выпустив особый «*Prospectus*» и переведя, для образца, знаменитое «Предисловие» Карамзина к его «Истории». Перевод петербургских французов, вышедший в Париже уже в 1819 г.—«*Histoire de l'Empire de Russie*» (traduite par M. M. St. Thomas et Jauffret, 8 v.), помешал предприятию Жюльена и Fursi-Laisné: оно не осуществилось, но вызвало, однако, к себе большой интерес со стороны Вяземского и всех друзей и врагов Карамзина¹⁰. Сам Карамзин, как явствует из неизданного письма его от 30 сентября 1818 г. к Сен-Тома, сочувствовал своим петербургским, а не парижским переводчикам¹¹.

Вяземский был прилежным читателем «*Constitutionnel*» и особенно «*Revue Encyclopédique*» Жюльена. «Графиня Разумовская прислала мне из Парижа несколько номеров *Constitutionnel*,—сообщает А. И. Тургенев Вяземскому в июле 1817 г.—Пришли тебе, но не потеряй». Вяземский

тогда же спешит ускорить получение газеты: «Присылай мне *Constitutionnel*». Это были последние номера издания, только что запрещенного Бурбонами и доставленные, конечно, не по почте, а с оказией, оттого ими так и дорожили русские «либералисты»¹².

Столь же заботливо снабжал Тургенев Вяземского, сидевшего в Остафьево, и выпусками «*Revue Encyclopédique*» (см., например, письмо от ноября 1821 г.)¹³. Интерес Вяземского и его друзей к «*Revue Encyclopédique*» понятен. Это было широко поставленное, глубоко осведомленное обозрение европейской культурной жизни, мысли и искусства. Если сам Гёте был постоянным читателем и ценителем «*Revue Encyclopédique*»¹⁴, то для Вяземского и его друзей, живших в каземате аракчеевской России, «*Revue*» Жюльена было настоящим окном, сквозь которое веяло свежим воздухом европейской культуры и общественности.

Журнал привлекал внимание русского читателя и потому, что уделял много внимания русской жизни и литературе; редакция «*Revue Encyclopédique*» была осведомлена в них лучше любого из заграничных изданий. Деятельным сотрудником журнала в 1824—1825 гг. и секретарем редакции был стихотворец и критик Эдм-Иоахим Геро (*Edm-Ioachim Hérou, 1791—1836*), прошедший десять лет (1809—1819) в России, хорошо овладевший русским языком и считавшийся в эту пору едва ли не лучшим во Франции знатоком русской литературы. В «*Revue Encyclopédique*» Геро часто выступал с критическими статьями о русской литературе и с переводами из русских писателей.

В 1823 г. Вяземский, усердный читатель «*Revue Encyclopédique*», получил предложение стать ее сотрудником. Вероятнее всего мысль залучить Вяземского в сотрудники была подсказана Жюльену Э. Геро, который не мог не быть знакомым с литературной деятельностью Вяземского и, может быть, встречался с ним в Петербурге в 1817—1818 гг.

2 февраля Вяземский поручил А. И. Тургеневу: «Попроси Туркуля от меня, чтобы он подписался в Варшаве для меня на «*Revue Encyclopédique*». Меня вызывают быть русским корреспондентом редакции»¹⁵. Кто именно и как приглашал Вяземского к сотрудничеству в 1823 г. и что ответил на это Вяземский, нам неизвестно, но в следующем 1824 г. предложение было повторено непосредственно Жюльеном.

На этот раз на приглашение Вяземского могли натолкнуть Жюльена русские сотрудники его журнала—С. Д. Полторацкий (1803—1884) и Я. Н. Толстой (1791—1867). Оба они участвовали в «*Revue Encyclopédique*» с первых номеров 1824 г. Оба хорошо знали Вяземского, как писателя, и были с ним знакомы—один по Москве, другой по Петербургу. Вяземский ответил обширным и весьма замечательным письмом, остававшимся до сих пор неизвестным:

Перевод:

Остафьево (в 25 верстах от Москвы),
21 мая (ст. стиля) 1824 г.

С истинным удовлетворением имел я честь получить ваше письмо от 1 марта 1824 г. в ответ на мое прошлогоднее. Ваше доверие мне льстит, и я был бы счастлив, если бы имел возможность дать на него ответ, достойный вас и вашего периодического издания. Но, по совести, вы просите невозможного, требуя сведений главным образом о фактах, которые могут характеризовать развитие и успехи цивилизации на нашей родине. Разве вы не знаете, что Россия находится в еще совсем младенческом возрасте

и что говорить вам о ней—значит делать крайне жестокую критику той опеки, которая держит ее в состоянии запоздалого детства? Беседовать с вами о наших академиях, о наших ученых обществах, литературных, филантропических и т. д.—это значило бы составлять газетные статьи; но для этого надо сначала запастись совестью газетного писателя, на что я чувствую себя неспособным. Я вижу свою национальную гордость не в том, чтобы торжествовать по поводу того, что у нас есть, а в том, чтобы сожалеть о недостающем. Я не принадлежу к нищим, старающимся выставить напоказ богатства, которых они не имеют, а скорее принадлежу к тем, которые нарочно показывают свои лохмотья, потому что считают себя достойными лучшей судьбы. И все мои благомыслящие соотечественники, конечно, разделяют мое мнение.

Посмотреть на нас—кажется, что мы обладаем всем наравне с другими нациями, но все наше богатство лишь в словах и в декоративной роскоши. Как арлекин,двигающий ногами и не трогающийся с места, мы делаем вид, что двигаемся, а на самом деле не идем вперед. Конечно, при всем этом, время все же течет и подземное невидимое течение событий, тем не менее, подталкивает нас вперед, хотя ни правительство, ни большинство из нас не обращают на это внимание.

Несомненно, что, заснув в пеленках нашей кормилицы, в один прекрасный день мы проснемся взрослыми. До той поры предоставим наемным панегиристам или тем, кто принимает слепое тщеславие за национальную гордость, хвастаться нашими успехами; мы, прочие, помолчим, если уже нам никак не позволено говорить правду. Удовольствуйтесь же на этот раз, милостивый государь, сведениями не о том, что делают взрослые люди, но о том, чем забавляются дети.

Мы любим сочинять стихи, и мы сочиняем их иногда довольно хорошо. Едва выйдя из колыбели, мы лепечем стихи! С прозой, которая требует лучшего питания, мы справляемся довольно плохо, и, за исключением «Истории России» г. Карамзина, мы можем смело сказать, что не имеем ни одного большого прозаического произведения. К тому же, и вышеназванное произведение является у нас плодом, до срока созревшим, который был бы лучше оценен в Европе, чем в России.

Я решил присоединить к моему бюллетеню несколько отрывков из моей статьи о жизни и трудах г. Дмитриева, не из-за пристрастия к себе самому, но потому, что эти отрывки могут дать вам некоторое представление о нашей литературе и о том, как на нее смотрят в России. Если бы я имел в моем распоряжении другие материалы, более подходящие для моей цели, то, поверьте, я не выставил бы себя вперед. Я надеюсь иметь вскоре хороший немецкий перевод этой статьи полностью, так же как и двух других моих небольших литературных работ, касающихся Державина (нашего первого поэта-лирика) и Озерова (нашего единственного поэта-трагика, достойного этого имени), и я надеюсь их вам послать. Нам очень трудно, чтобы не сказать невозможно, найти здесь кого-нибудь, кто мог бы хорошо переводить с русского на французский; немцы выучивают наш язык с большей легкостью, чем ваши соотечественники, к тому же я думаю, что хороший немецкий перевод для вас будет понятнее, чем плохой французский, который мы должны бы были предложить за неимением лучшего. Во всяком случае, вот маленький литературный бюллетень и четыре выдержки из упомянутой статьи; делайте с ними, милостивый государь, то, что хотите, что сможете. Я присоединяю к этому немецкий пере-

вод одного предисловия, написанного мною в форме диалога, к новой поэме Пушкина, экземпляр которой я вас прошу принять, как легкий дар нашей северной музыки. Удастся ли мне когда-нибудь явиться к вам, чтобы прочесть ее и приучить ваш взыскательный слух к звукам языка, который вовсе не такой варварский, как то думают в Европе? Вы найдете в этой безделушке несколько соображений о нашей поэзии и ее отношении к так называемой поэзии классической и романтической. Я только слегка коснулся предмета и принужден был сообщить моим размышлениям быстроту диалога. В общем, судите меня больше по тому, что я лишь слегка наметил, чем по тому, что я сказал: благодаря нашей цензуре, во всех наших речах слабой стороной является то, что мы высказываем, и сильной то, что мы умалчиваем. Знаете ли вы, что нам совершенно не позволено высказывать откровенно даже чисто литературные суждения, если они затрагивают общепринятые мнения?

Наша литература имеет свое узаконение, совершенно такое, как власть.

Я был бы очень рад сообщить вам некоторые материалы о Польше, но наши сношения с этой страной очень стеснены; несмотря на то, что ее из всех сил стремятся обрусить и очистить, погасив в ней огонь всякой живой жизни, все же она еще кажется слишком опасной и слишком подверженной эпидемиям правительству, которое учредило между нами и Польшей с а н и т а р н ы й к о р д о н, находящийся в руках второго герцога Ангюлемского. Мне в особенности было бы трудно оказать вам какую-либо пользу в этом отношении, так как мои сношения с поляками взяты под строжайший надзор после пребывания моего в течение нескольких лет в Варшаве, в качестве чиновника при русском сенаторе Новосильцеве, и после того, как я был оттуда удален, как запятанный либерализмом.

Впрочем, поляки деятельнее нас и более жаждут славы; я уверен, что вы легко сможете завязать постоянные сношения с Польшей через поляков, которые много разъезжают по свету и обычно навещают Париж. Насколько я знаю, один из них, по имени г-н Морозевич, должен туда приехать и провести там зиму; я вам советую с ним познакомиться; это—благомыслящий молодой человек, глубоко знающий свою страну. Единственное препятствие, которое представляется для нас в подобных связях, это—страх вызвать неудовольствие со стороны правительства; удостоверено, что всякий русский или поляк, про которого узнают, что он состоит неофициальным корреспондентом каких-либо иностранных журналов, кончает тем, что попадает на плохой счет у правительства, даже если он и не преследуется за мнения, высказанные им в его писаниях. Можно, кажется, утверждать, что один из ваших корреспондентов уже потерпел на службе за те сведения о литературе, которые он вам посылал. По крайней мере, такой слух прошел у нас при немилостях, обрушившихся на одного молодого офицера. Постарайтесь, пожалуйста, милостивый государь, проникнуться важностью этих соображений и избавить меня от неприятностей, которые могли бы последовать для меня из нашей переписки. Не нужно удивляться, если маленькие литературные сплетни могут сойти в глазах властей за государственное преступление и если им придадут такую важность, что станут разыскивать их автора всеми имеющимися в распоряжении Священного союза способами.

Во всяком случае, я вас прошу, милостивый государь, никогда не называть меня открыто в числе ваших корреспондентов, хотя я с удовольст-

нием носил бы это лестное звание, и сохранять наши сношения в полнейшей тайне. Если вы когда-нибудь удостоите меня письмом, то только при посредстве тех из моих соотечественников, которых я вам назову, или лиц, скромность которых вам известна. Со своей стороны, я буду сохранять такую же осторожность.

Это письмо вам будет вручено моим родственником, князем Гагариным, едущим в Париж для поправления здоровья,—я беру смелость рекомендовать его вашему доброму вниманию и прошу вас принять его благосклонно. Когда-то я смогу последовать его примеру и приехать для того, чтобы исцелиться среди вас если не от физических страданий, то, по крайней мере, от нравственного маразма, который, действительно, является для нас отечественною болезнью и который поражает тех из нас, кто имеет потребность жить и не довольствуется прозябанием. Надежда провести несколько лет в Париже—одна из наиболее привлекательных для меня надежд. Но время, когда я мог бы ее осуществить, еще неизвестно!

В ожидании примите, милостивый государь, выражение моего самого глубокого уважения.

Вяземский

Р. S. Знаете ли вы, что номера вашего журнала в редком случае приходят к нам необезображенными ножницами цензуры! Большая часть книжек попадает к нам с изъятием нескольких листов!

Примите со снисхождением черновик моего бюллетеня и плохую копию заметок, которые к нему приложены; я нахожусь у себя в деревне и совершенно не имею возможности привести все в порядок. Что касается собственных имен, которые вы не сумеете разобрать, то потрудитесь обратиться к «Русской антологии» г-на де Сен-Мора, который, во всяком случае, правильно передает их орфографию¹⁶.

Письмо Вяземского к Жюльену имеет значение первостепенного памятника русской политической литературы второй половины 20-х годов. По своему содержанию, чувству и тону—это письмо декабриста без декабря.

Вяземский, не стесняемый условиями почтовой цензуры, высказал Жюльену в своем письме в двух словах всю правду о России аракчеевского священно-союзного режима и обрисовал положение в ней мыслящего человека и писателя. Он резко отстранил от себя, как писателя, самую возможность говорить о крепостной России так, как говорят в «Revue» Жюльена о культурных странах Европы, т. е. знакомить с их достижениями в искусстве, науке, общественности. Не называя фамилии, Вяземский метил тут в поставщика сведений о России в «Revue Encyclopédique»—того же S. P., под которым скрывался известный впоследствии библиограф, юный тогда С. Д. Полторацкий. Ему обязано было «Revue» сведениями о ничтожных журналах Булгарина «Северный Архив» и «Литературные Листки». Он силился представить пред Европой казовую сторону русского просвещения, когда сообщал «Revue» то об открытии семинарии в далеком Туринске, то об учреждении школ взаимного обучения в Петербурге, Гатчине, Туле, Иркутске, Риге, Астрахани и т. д., то о Практической академии коммерческих наук в Москве и т. д. Не обошел Полторацкий и «успехов» русской промышленности, рассказывая французам о «преуспевании» крепостных суконных фабрик¹⁷.

Заостряя эту часть своего письма против Полторацкого, Вяземский писал Жюльену, что говорить о России правду—значит дать «жесточайшую

критику опеки (*une critique sanglante de la tutelle*), держащей ее [Россию] в состоянии запоздалого детства». Но такую политическую критику самодержавия, образец которой много лет спустя дал Н. И. Тургенев в «*La Russie et les Russes*», Вяземский сознательно и твердо отстраняет от себя: это был бы гражданский подвиг, для которого он не чувствует в себе достаточно сил.

Еще недавно Вяземский стремился как можно шире пропагандировать польские конституционные опыты Александра I, тщетно пытаясь через русские журналы знакомить с ними общество. Теперь он решительно отклоняет просьбу Жюльена снабжать «*Revue*» подобными материалами о Польше, направляя его к полякам, живущим в Париже: «Правительство,—объясняет свой отказ Вяземский,—установило между нами и Польшей санитарный кордон, находящийся в руках второго герцога Ангулемского». «Второй герцог Ангулемский» — это, конечно, цесаревич Константин Павлович: чтобы понять, лестная ли это была аттестация, надо вспомнить, что герцог Людвиг-Антон Ангулемский был в 1823 г. главнокомандующим французских войск, посланных в Испанию для подавления революционного движения, вырвавшего конституционную хартию у Фердинанда VII. Испанская революция, как известно, вызвала самое горячее сочувствие у декабристов, у Пушкина и у самого Вяземского.

Но опасны для русского писателя не только сношения политико-литературные, а и просто литературные. Вяземский прямо просит Жюльена «избавить» его от всех неприятностей, которые могла бы навлечь на него прямая переписка с редактором либерального парижского журнала. Он ссылается на пример русского офицера, пострадавшего по службе за литературные бюллетени, посылаемые в парижское «*Revue*». Кажется, можно догадаться, кто этот офицер (Вяземский в письме нарочито скуп на имена): вероятнее всего, это Петр Андреевич Габбе (1796 г. — умер после 1833 г.), штабс-капитан лейб-гвардии Литовского полка, стоявшего в Варшаве, брат полковника М. А. Габбе, привлекавшегося, но без последствий, по делу декабристов. Вяземский познакомился с Габбе в Варшаве и сошелся близко на почве общих политических взглядов и любви к литературе. Поэт и прозаик, Габбе выпустил в 1822 г. в Петербурге «Биографическое похвальное слово г-же Сталь-Гольштейн». Эту работу Габбе о писательнице, ценимой Пушкиным и всем кругом «либералистов», Вяземский встретил хвалебным отзывом в «Сыне Отечества». «Литовской гвардии офицер, который в Варшаве при звуке барабанного и палочного боя пишет о г-же Сталь, удивительнее Невтона», — восклицает Вяземский (в письме к А. И. Тургеневу)¹⁸.

Основное утверждение письма Вяземского — культурная бедность России, политическая немощность общества, ничтожность идей, скудность творческих достижений, при непомерной гордыне самооправдания и самовосхваления, — предвосхищает идеи знаменитого «Философического письма» Чаадаева, за которые он объявлен был, по приказу Николая I, сумасшедшим. Редактору «Энциклопедического Обозрения» Вяземский с суровой прямоотой объявляет, что, в сущности, в России нечего — пока еще нечего — «обозревать», и это «нечего» распрстраняет и на литературу.

Вяземский становится здесь в противоречие даже с передовыми литературными деятелями 20-х годов. Как на образец «национальной гордости», подмененной «слепым чванством», устраивающим «выставку

наших успехов» в литературе, Вяземский мог бы через год указать редактору «Revue Encyclopédique» даже на статью декабриста А. А. Бестужева: «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» («Поллярная Звезда на 1825 год»). Начав статью с утверждения, что «у нас нет литературы», Бестужев перешел затем к противоположным уверениям, что у нас есть все: и критика, и много талантливых писателей, а кончил заявлением, тогда же квалифицированным А. И. Тургеневым, как «самохвальство патриотизма»: «Журналы наши не так, однако ж, дурны, как утверждают некоторые умники, и вряд ли уступают иностранным. Назовите мне хоть один сносный литературный журнал во Франции, кроме „Revue Encyclopédique“». Вяземский, в качестве свидетельства скудости тогдашней русской литературы, приводит отсутствие сколько-нибудь ценных писателей-прозаиков, за исключением Карамзина. Это точка зрения и Пушкина: в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» («Московский Телеграф», 1825) Пушкин жаловался: «Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных», а в заметке 1822 г. «О слоге» вопрос «чья проза лучшая в нашей литературе» решал: «Карамзина», но с оговоркой: «Это еще похвала небольшая». В 1823 г. Пушкин писал Вяземскому: «Прозу-то, ради Христа, не забывай; ты да Карамзин—одни владеете ею»¹⁹. Карамзинист Вяземский, имея в виду критические выступления Каченовского, Арцыбашева, Н. Муравьева, Лелевеля и др. против карамзинской «Истории», находил даже, что за границей лучше и вернее оценили его историческую прозу: он разумел не только самого Жюльена, но и тот факт, что «Историю» перевели на французский, немецкий, итальянский языки. Из всей русской литературы Вяземский выбрал для «Revue» лишь четырех писателей—тех, о которых писал сам: Державина (статья в «Вестнике Европы», 1816 г., вызванная его смертью, ч. 88, № 15, и в «Сыне Отечества», за тот же год, ч. 23, № 37), Дмитриева («Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», приложенное к 6-му изданию «Стихотворений И. И. Дмитриева», СПб. 1823 г.), Озерова (статья «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», напечатанная в 1817 г., при I части сочинений В. А. Озерова), Пушкина (знаменитый «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», напечатанный при издании «Бахчисарайского фонтана», 1824 г.)²⁰.

Примечательно, что Вяземский посылал Жюльену не целую статью свою о Дмитриеве, а отрывки из нее. Почему он это делал, можно догадаться, вчитавшись в его письмо к А. И. Тургеневу от 2 февраля 1823 г.: «Дмитриевскую рукопись начнут переписывать с первой недели... Или цензура все пропустит, или ничего не напечатаю, разумеется, здесь. Но тогда переведу ее с помощью других на французский язык и напечатаю в Париже, как памятник нашего варварства. Клянусь честью, что это сделаю». Тогда же Вяземский посылал статью свою на просмотр будущему декабристу Н. И. Тургеневу и спрашивал его брата: «Доволен ли Николай Иванович некоторыми намеками, сколками мнений? Тут пульс одной истины бьется непрестанно, невидимый, но ощутительный»²¹. В статье о Дмитриеве Вяземский дорожил прикровенным, но искренним выражением некоторых своих общественно-политических мнений. Цензура исключила из его статьи все подобные места, и эти-то отрывки он и послал Жюльену в журнал, ни в чем их не изменяя.

Посылая «бюллетень» и отрывки своей статьи, Вяземский учил редактора-европейца, как должно читать статьи, присылаемые из страны самодержавного рабства: «В наших речах слабо то, что высказывается, и сильно то, что умалчивается». Такое же точно руководство к чтению своих статей Вяземский, через шесть лет, дал А. И. Тургеневу: «Не забывай, что мы говорить, т. е. выговаривать не можем, а только заикаться. Меня более других должно читать междустрочно...»²².

Воспользовался ли Жюльен для своего журнала «маленьким литературным бюллетенем» Вяземского и четырьмя выдержками из его статьи о Дмитриеве, посланными при письме?

«Маленького бюллетеня» Вяземского мы не находим на страницах «Revue Encyclopédique» ни в 1824, ни в 1825 гг., но в августовской книжке журнала за 1824 г. (т. XXIII), в третьем отделе, носящем название «Bulletin bibliographique», напечатана небольшая анонимная заметка по поводу 6-го издания стихотворений И. И. Дмитриева, вышедшего со вступительной статьей Вяземского (М., 1823 г.): «Poésie de Dmitrieff, nouvelle édition, revue et corrigée et diminuée par l'auteur». Заметка эта дает положительную характеристику Дмитриева в духе предисловия Вяземского к его сочинениям. Равно возможны два предположения: или это краткие *résumé* предисловия Вяземского, сделанные кем-либо из русских сотрудников Жюльена, или же это извлечение из «маленького бюллетеня» Вяземского. Заметка о Дмитриеве сопровождается таким пояснением редакции: «Отрывки этого предисловия [Вяземского к сочинениям Дмитриева], которые дошли до нас, слишком обширны для того, чтобы их можно было привести здесь. Мы можем почерпнуть из них некоторые данные для статьи о состоянии литературы в России, которую готовит один из наших сотрудников»²³. Это «пояснение» показывает, что письмо Вяземского к Жюльену было своевременно вручено ему кн. В. Ф. Гагариным. Отрывки из статьи Вяземского о Дмитриеве не были напечатаны в «Revue Encyclopédique», но они вошли в работу другого сотрудника журнала Жюльена: в 1825 г. Я. Н. Толстой напечатал там обширный «Обзор главнейших произведений русской литературы» (т. XXVI, стр. 870—900), где немало места уделено Дмитриеву.

В том же, августовском, номере «Revue Encyclopédique» за 1824 г. помещена рецензия на трехтомное издание «Стихотворений Жуковского»²⁴. Рецензия опять анонимная и опять изложена в духе и тоне писаний Вяземского о Жуковском.

27 октября 1824 г. Вяземский спрашивал у А. И. Тургенева: «Где этот «Courrier de Londres», из которого выписаны статьи о Дмитриеве и Жуковском? Ж е ж д у н а м и: скажи Жуковскому, чтобы он не очень спешивился европейскою известностью своею... И как это в «Courrier»: извлечением ли из другого журнала, или в числе сообщенных статей от корреспондента? Мне любопытно знать все это наверное; расскажи»²⁵. Смысл этого места возможно истолковать так: Вяземский предполагает, что «Courrier» перепечатал из «Revue Encyclopédique» его заметки о Дмитриеве и Жуковском и что последнему не следует гордиться «европейскою известностью», так как ее источник—приятельская статья Вяземского. В сентябрьской книжке «Revue Encyclopédique», в том же отделе «Bulletin bibliographique», помещены также анонимные отзывы о 10 и 11 томах «Истории государства Российского» Карамзина, о «Бахчисарайском фонтане» Пушкина и об альманахе «Полярная Звезда на 1824 год»²⁶. Заметка о по-

кошку»²⁸. Корсаков, упоминаемый в этой фразе, — приятель Вяземского и Пушкина, Григорий Александрович Римский-Корсаков, гвардейский полковник, навлекший на себя в 1821 г. гнев Александра I своим «вольномыслием» и вышедший тогда же в отставку. В июле 1823 г. он выехал из Москвы за границу, предварительно проведя сутки у Вяземского, в Остафьеве, и пробыв за границей до 1826 г.²⁹. Общая молва гласила, что только благодаря своему отсутствию из России в 1823—1826 гг., Корсаков избежал привлечения по делу декабристов. Загадочная фраза Вяземского в письме, шедшем с оказией, писана в самое тревожное время: в последний день междоусобия, накануне выступления декабристов на Сенатской площади, и нет сомнения, что «суп Жюльен» — в ней такое же конспиративное иносказание, как и «спящая кошка»: Вяземский желал, чтобы его шурин Гагарин истребил все бумаги, свидетельствовавшие о его тайном сотрудничестве в левом органе французской прессы. Так, кажется, можно истолковать смысл этой загадочной фразы встревоженного Вяземского, написанной накануне 14 декабря.

Ряд последующих фактов закрепляет связь между письмом Вяземского к самому Жюльену и припиской о «супе Жюльен».

С января 1825 г. начал выходить в Москве «Московский Телеграф» Н. А. Полевого. Это был первый русский журнал, порвавший с традициями усадебно-дворянского периода русской литературы. По верному суждению Анненкова, «Московский Телеграф» был совершенной противоположностью духу, господствовавшему у нас в эпоху литературных обществ; он их заместил, образовав новое направление в словесности и кри-

Московский Телеграфъ. — *Le Télégraphe de Moscou*, journal de littérature, de critique, des sciences et des arts, publié par Nicolas Полевое. — Première année (1825). Moscou. Imprimerie de l'Université.

Tome IV. (Livraisons 43 à 46, Juillet — Aout 1825.)

à M. Derping,

Collaborateur de la *Revue Encyclopédique*.

De la part de S. P.-y, de Moscou.

ЭКЗЕМПЛЯР IV ТОМА
„МОСКОВСКОГО ТЕЛЕГРАФА“ 1825 г.,
С НАКЛЕЙКАМИ НА ОБЛОЖКЕ,
ПОДГОТОВЛЕННЫЙ ДЛЯ ОТПРАВКИ
В „REVUE ENCYCLOPÉDIQUE“

Всесоюзная библиотека им. Ленина,
Москва

тике. С его появлением укрепился тип русского литературно-общественного журнала вообще, журнал приобрел свой голос в деле литературы, вместо прежнего назначения: быть открытой ареной для всех писателей, поприщем для людей с самыми различными мнениями об искусстве³⁰. Журнал Полевого имел беспрецедентный успех: первые книжки его требовали второго издания. Вся литературная реакция ополчилась против него. Вяземский был, вместе с Полевым, зачинателем «Московского Телеграфа»: по его собственному позднему признанию, он был «в полном смысле крестным отцом „Телеграфа“», более того: «В кабинете дома моего в Чернышевском переулке зачато было дитя, которое после наделало много шума на белом свете»³¹.

«Крестный отец» оказал самое прямое влияние на первые шаги своего крестника: именно Вяземскому журнал Полевого обязан тем, что он попытался стать русским двойником парижского «Revue Encyclopédique». Уже в первом номере «Телеграфа», перечисляя подписчикам лучшие заграничные издания, которыми он намеревался пользоваться для своего журнала, Полевой на первом месте назвал «Revue Encyclopédique»; в плане же и в построении самого журнала Полевой попытался перенять всю сложную постройку парижского «Обозрения». Это бросалось в глаза современникам Полевого. По словам Белинского, «„Revue Encyclopédique“ служила для него [Полевого] и сокровищницей новых идей и нередко снабжала его статьями, которые ему стоило только переделывать и приделывать к чему было ему нужно». Такое же заключение делал и Булгарин: «Н. А. Полевой взял за образец «Revue Encyclopédique», но не мог исполнить своего предприятия в таком виде и объеме, потому что не имел ни материальных средств французского журнала, ни таких сотрудников»³².

Еще более ценно свидетельство секретаря редакции «Revue Encyclopédique», Э. Геро, который уже в октябре 1826 г. писал в своем журнале о «Московском Телеграфе»: «Ему назначено быть одним из лучших русских журналов». Отмечая «занимательность и разнообразие» журнала Полевого, Геро сообщает: «Он разделяется на четыре части: «Науки и искусства», «Изящную словесность», «Критику и библиографию», «Новости и смесь». Первая и вторая части походят на наше отделение «Записки и известия»... Третья представляет, в меньшем объеме, наши два отделения «Разборы» и «Библиографический бюллетень»... Четвертая часть соответствует нашему отделению «Ученых и литературных новостей» впрочем, в ней желательно видеть расположение и выбор более строгие более удовлетворительные».

Давая ряд советов, направленных на улучшение своего русского подражателя, влиятельный сотрудник «Revue Encyclopédique» заключал: «Мы желали бы войти с «Московским Телеграфом» в сношения обменом издания их на наше; это дало бы нам возможность, со своей стороны, делать у них выгодные займы для пополнения наших картин сравнительного просвещения»³³. Полевой поместил эту заметку Геро в своем журнале: лестным мнением знаменитого французского журнала он хотел ответить на нападки и вылазки многочисленных русских врагов «Телеграфа». В 1831 г. Полевой поместил описание редакции «Revue Encyclopédique» (№ 21), а за все годы обильно пользовался в своем издании материалом из журнала Жюльена.

Очень интересен отклик «Revue Encyclopédique» на декабрьское восстание.

В отзыве на «Донесение следственной комиссии», переведенное на французский язык, читаем:

«Из этого донесения явствует, что с 1816 г. в России образовалось много тайных обществ, целью которых было изменить образ правления; люди разных общественных положений вступали в эти общества; большинство принадлежало к военным, совершившим походы 1813, 1814 и 1815 годов. Только тот, кто не имеет понятия о развитии человеческого духа, только тот мог бы обольщаться надеждой, что эти люди, пройдя по всей культурной Европе, вернувшись с триумфом с войны, успех коей был вызван стремлением к освобождению,—что эти люди вступят в пределы своей страны, управляемой деспотически, не принеся с собой никакой новой идеи, никаких пожеланий реформ. Сам император Александр хорошо понимал этот результат последних войн, когда на польском сейме 1818 г. он торжественно, во всеуслышание провозгласил свои либеральные идеи и обещал произвести перемены в образе правления в России. Вскоре удалось отвратить этого государя от просвещенного пути, которому он хотел следовать. Никаких перемен не было внесено в деспотизм, хотя осторожнее было бы царю самому сделать уступки прогрессу просвещения»³⁴.

К этим словам журнала Жюльена Вяземский мог бы «руку приложить». Это была его собственная точка зрения: «Реформы есть громоотвод революции».

В 1826 г. Вяземский остается неизменным читателем журнала Жюльена. 26 июня, в тяжелую пору ожидания расправы с декабристами, он пишет А. И. Тургеневу из Ревеля: «У тебя мои два № «Revue Encyclopédique». Да из своего дай мне то, чего здесь нельзя достать. Ты опять будешь на европейском рынке—что тебе запастись харчью. Подумай об нас, степных». В ноябре 1826 г. он просит Тургенева подписаться для него на «Revue Encyclopédique», но непременно кружным благонадежным путем «пересылать его ко мне и Жуковскому через Перовского»³⁵.

Живая связь «Московского Телеграфа» с Парижем, как центром европейской образованности и общественности, представляется Вяземскому столь важной и нужной, что он—вынужденный к тому тяжелыми условиями года расправы с декабристами—решается на мистификацию. В декабре 1826 г. в «Московском Телеграфе» появляется «Письмо из Парижа (Извлечение)», без подписи. «Письмо» с немалой гражданской смелостью дает апологию политической поэзии и поэта, как политического деятеля. «Вы спрашиваете,—говорит безымянный парижский корреспондент «Телеграфа»,—что делает поэзия во Франции? Делает политику». Ссылаясь на греческих трагиков, на Байрона, на Жуковского в «Певце во стане русских воинов», как на поэтов, «делавших политику», корреспондент пишет: «Вы видите, что я готов назвать поэзией политическою всякую народную или гражданскую поэзию, объемлющую возвышенные, общественные истины. И почему поэту не быть наравне с оратором, стражем народных выгод и блага общественного? Каждый орудием своим, один поэзией, другой витийством, может распространять мнения, которые он почитает полезными для благосостояния сограждан, и вытеснять из общества почитаемые им за пагубные...». Классицизм и романтизм, на взгляд корреспондента,—только слабые оттенки основного разделения: «Все частные оттенки сливаются в две цельные, яркие черты, размежевавшие как писателей, так и всех французов на две стороны: левую и правую».

Либерализм или ультрароялизм слышатся даже «в нотах музыканта и в А+В»: от политической борьбы не укроется ни один художник. Корреспондент удивляется лишь тому, что «литературные либералы часто оказываются в рядах политических тори, и наоборот»³⁶.

Письмо это помечено: «Париж, 30 ноября». Его следовало пометить «Москва»: его автором был сам Вяземский. Больше чем через полвека перепечатывая письмо в первом томе собрания сочинений, он признавался: «Это письмо и следующие из Парижа писаны просто в Москве. Участвуя в «Телеграфе», хотел я придать этому журналу разнообразие и, так сказать, движение жизни». Материалом для письма были французские газеты и журналы, тот же «Revue Encyclopédique» и письма парижских приятелей. «Из них,—признается Вяземский,—составлял я свои подложные письма, которые в то время читались с живым любопытством»³⁷.

Но Вяземский хотел компетентного суда над собой, как над «парижским корреспондентом» самого левого из русских журналов, стремившегося быть двойником «Revue Encyclopédique», и в январе 1827 г. он дал А. И. Тургеневу поручение: «Пошли в Париж Жюльену мое письмо из Парижа: пускай видят они, как мы судим о них»³⁸. Он имеет в виду здесь свое «Письмо», напечатанное в 12-й части «Московского Телеграфа» за 1826 г.

В том же 1827 г. Вяземский решил, что пора заменить московского «парижского корреспондента» «Телеграфа»—п а р и ж с к и м, и в июне дал А. И. Тургеневу, жившему в Париже, поручение «сыскать корреспондента парижского для «Телеграфа», разумеется, за деньги, Геро или кого другого». Дело с Геро почему-то не наладилось, и вместо него Вяземский решил залучить в парижские корреспонденты «Телеграфа» другого сотрудника журнала Жюльена—Я. Н. Толстого³⁹. С Толстым дело наладилось, и скоро в «Телеграфе» стали печататься его «парижские письма».

В том же 1827 г. «Revue Encyclopédique» сочло нужным познакомить французского читателя с основными фактами жизни и деятельности Вяземского—поэта и критика и дало ему следующую оценку:

«Произведения Вяземского носят отпечаток живого и просвещенного ума; его стиль отмечен вдохновением, сжатостью, яркою самобытностью; его поэзия исполнена идеей и острот, блещущих изобретательностью и доставляющих наслаждение. Но то, что преимущественно отличает его,—это убеждения, согласованные с прогрессом просвещения и современным состоянием наших знаний»⁴⁰.

В глазах либерального «Revue Encyclopédique» и ее редактора Жюльена московский поэт и критик был единомышленником.

Неизвестно, познакомился ли Вяземский с Жюльеном лично, когда, наконец, попал в конце 30-х годов за границу.

С. Д у р ы л и н

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Характеристику политических воззрений Вяземского 1820—1830 гг. и его отношений к Александру I и Николаю I см. в работе Н. К у т а н о в а, Декабрист без декабря. — «Декабристы и их время», II, изд-во Общества политкаторжан, М., 1932.

² В я з е м с к и й, II, стр. XVII.

³ О. А., II, стр. 45—46.

⁴ В я з е м с к и й, IX, стр. 45—46.

⁵ О. А., II, стр. 353.

⁶ О. А., II, стр. 192.

⁷ О. А., III, стр. 73—74.

⁸ Пушкин, Переписка. Под ред. В. И. Саитова, I, СПб. 1908, стр. 279—280.

⁹ Вяземский, II, стр. 96—97; IX, стр. 107.

¹⁰ О. А., I, стр. 179, 192, 557, 565; М. П. Погодин, Н. М. Карамзин, М., 1866, ч. II, стр. 259—263.

¹¹ Н. М. Карамзин писал 30 сентября 1818 года, из Царского села, переводчику St. Thomas:

Милостивый государь! С чрезвычайным интересом прочел я ваши справедливые замечания на перевод г. Жюльена, так же, как и ваше ласковое письмо: примите мою самую сердечную благодарность. Я в восторге от вашего благородного образа мыслей. Со стороны журналиста, несомненно, была допущена нескромность; не думайте, прошу вас, чтобы я был способен подозревать вас в соучастии в этой оплошности. Впрочем, надеюсь, что это не будет иметь никаких последствий. Мы рассчитываем вернуться в город к 7 октября. Я покажу вам тогда примечания к IX тому, которые должны быть переведены. Примите пока уверение в почтительных чувствах, с которыми я имею честь, милостивый государь, оставаться вашим нижайшим и покорнейшим слугою

Карамзин

Письмо на французском языке. Хранится в Литературном музее в Москве.

¹² О. А., I, стр. 79, 81. В 1825 г. А. И. Тургенев в Париже познакомился с Жюльеном, посетил по его приглашению заседание Филотехнического общества и тогда же писал Вяземскому: «Если случай будет, то пришлю вам и продолжение процесса против «Le Constitutionnel» (О. А., III, стр. 137). Речь шла о суде, которому была предана редакция «Constitutionnel» по обвинению в оскорблении господствующей во Франции религии.

¹³ О. А., I, стр. 230.

¹⁴ А. И. Тургеневу случилось в 1827 г. быть даже передатчиком пакета от Жюльена к Гёте. См. этот эпизод в моей работе: «Русские писатели у Гёте в Веймаре». — «Литературное Наследство», 1932, вып. 4—6, стр. 299—300.

¹⁵ О. А., II, стр. 298.

¹⁶ Письмо (подлинник на французском языке) печатается по копии с белового текста, сделанной С. Д. Полторацким и носящей заглавие: «Lettre du prince Pierre Wiasemsky à M. Marc-Antoine Jullien, Fondateur-Directeur de la Revue Encyclopédique, 1824. (Copiée sur le manuscrit autographe, qui se trouve chez M. Auguste Jullien fils à Paris, le 28/16 avril 1839)».

Письмо было найдено в рукописном отделении Публичной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве А. А. Сабуровым. Вскоре затем В. С. Нечаевой был найден своеручный черновик письма Вяземского, хранившийся в Остафьевском Архиве в ГАФКЭ; черновик не имеет обращения, даты, подписи, и он короче беловой копии. Копирование письма Вяземского Полторацким у сына Жюльена может служить косвенным подтверждением того, что Полторацкий, как виновник приглашения Вяземского в журнал Жюльена, дорожил памятью его участия в нем.

¹⁷ R E, 1824, XXI, mars, pp. 701, 709; v. XXII, avril, pp. 137—138, 224—225; v. XXII, mai, pp. 480—482; v. XXII, juin, pp. 650—651, 732; v. XXIII, juillet, pp. 233—234.

¹⁸ Алфавит декабристов, под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л., 1925, стр. 60—61; Вяземский, I, стр. 806, О. А., II, стр. 253, 276—277.

¹⁹ Пушкин, Сочинения, изд. Академии наук, т. IX, стр. 11, 20; Переписка, т. I, стр. 67.

²⁰ Для правильной транскрипции имен русских писателей Вяземский рекомендовал Жюльену обратиться к книге: Emile Dupré de Saint Maure, Anthologie russe, suivie de poésies originales, dédiée à sa majesté l'empereur de tous les Russes, P., 1823. Автор антологии провел четыре года в России и бывал здесь в кругу русских писателей.

²¹ О. А., II, стр. 298. Вяземский сетовал, что для публичного чтения в Обществе любителей российской словесности был неудачно выбран отрывок из его статей: «Тут можно было бы прочесть то, до чего, вероятно, дотронется цензура» (там же, стр. 327).

²² О. А., III, стр. 208.

²³ R E, 1824, v. XXII, août, p. 383.

²⁴ Poésies de Joukovsky, Nouvelle édition. 3 vol. R E, 1824, v. XXIII, août, pp. 383—385.

²⁵ О. А., III, стр. 85—86.

²⁶ R E, 1824, v. XXII, septembre, pp. 641—644.

²⁷ Черновые стихотворные наброски Вяземского сообщены редакции «Литературного Наследства» В. С. Нечаевой, нашедшей их в бумагах Остафьевского Архива.

²⁸ Неизданное письмо Вяземского к В. Ф. Гагарину сообщено мне А. А. Сабуровым.
²⁹ М. О. Гершензон, Грибоедовская Москва, изд. 3-е, М., 1928, стр. 138—139, 156—167.

³⁰ П. В. Анненков, А. С. Пушкин. Материалы для биографии. СПб. 1873, стр. 176.

³¹ Вяземский, I, стр. XLVIII—XLIX, т. X, стр. 217.

³² Полн. собр. соч. Белинского, СПб. 1901, IV, стр. 366; «Северная Пчела», 1840, № 65.

³³ Н. Козмин, Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой, как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. СПб. 1903, стр. 10, 30—34. Примером литературной связи «Revue» и «Телеграфа» может служить полемика, вызванная появлением в 1825 г. известного французского и итальянского перевода басен Крылова, изданного гр. Г. В. Орловым, с предисловием Лемонте и Сальфи («Fables des russes tirées du recueil de M. Kriloff... précédées d'une introduction française de M. Lemon-tey et d'une préface italienne de M. Salfi»). В № 17 «Телеграфа» Пушкин выступил с разбором предисловия Лемонте, а в № 18 Полевой уже напечатал рецензию Геро на издание Орлова, помещенную в 26 томе «Revue». С Геро вступил в полемику «Сын Отечества», поместив анонимные «Некоторые замечания» на его рецензию (1825, ч. 104, № 23). Декабрьские события прервали полемику. В 1827 г. все вошло в берега, и в апрельской книжке этого года Геро выступил с поздним ответом «Сыну Отечества»; Полевой не замедлил перевести этот ответ («М. Т.», 1827, часть 16, № 14).

³⁴ М. А. «Conspiration russe». R E, 1826, v. XXXI, septembre, p. 763—764. Отзыв, без сомнения, принадлежит русскому перу.

³⁵ «Архив братьев Тургеневых», вып. 6, под ред. Н. К. Кульмана, П., 1921, стр. 34, 47.

³⁶ «Моск. Телеграф», 1826, ч. XII, отд. II, стр. 51—54, 56, 61, 64.

³⁷ Вяземский, I, стр. 222.

³⁸ «Архив бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 53.

³⁹ О. А., III, стр. 166—167.

⁴⁰ R E, 1827, v. XXXVI, octobre, pp. 216—219.—Russie. Reclamation. Littérature russe. Joukowsky, Chakhovsky, Merzliakov et Viazemsky.

В очерке даются верные библиографические сведения о Вяземском, отмечается его последнее стихотворение «Запретная роза» и с сочувствием приводятся выдержки из первого «Письма из Парижа», сочиненного Вяземским и написанного по случаю смерти генерала Фуа, либерального наполеоновского генерала.

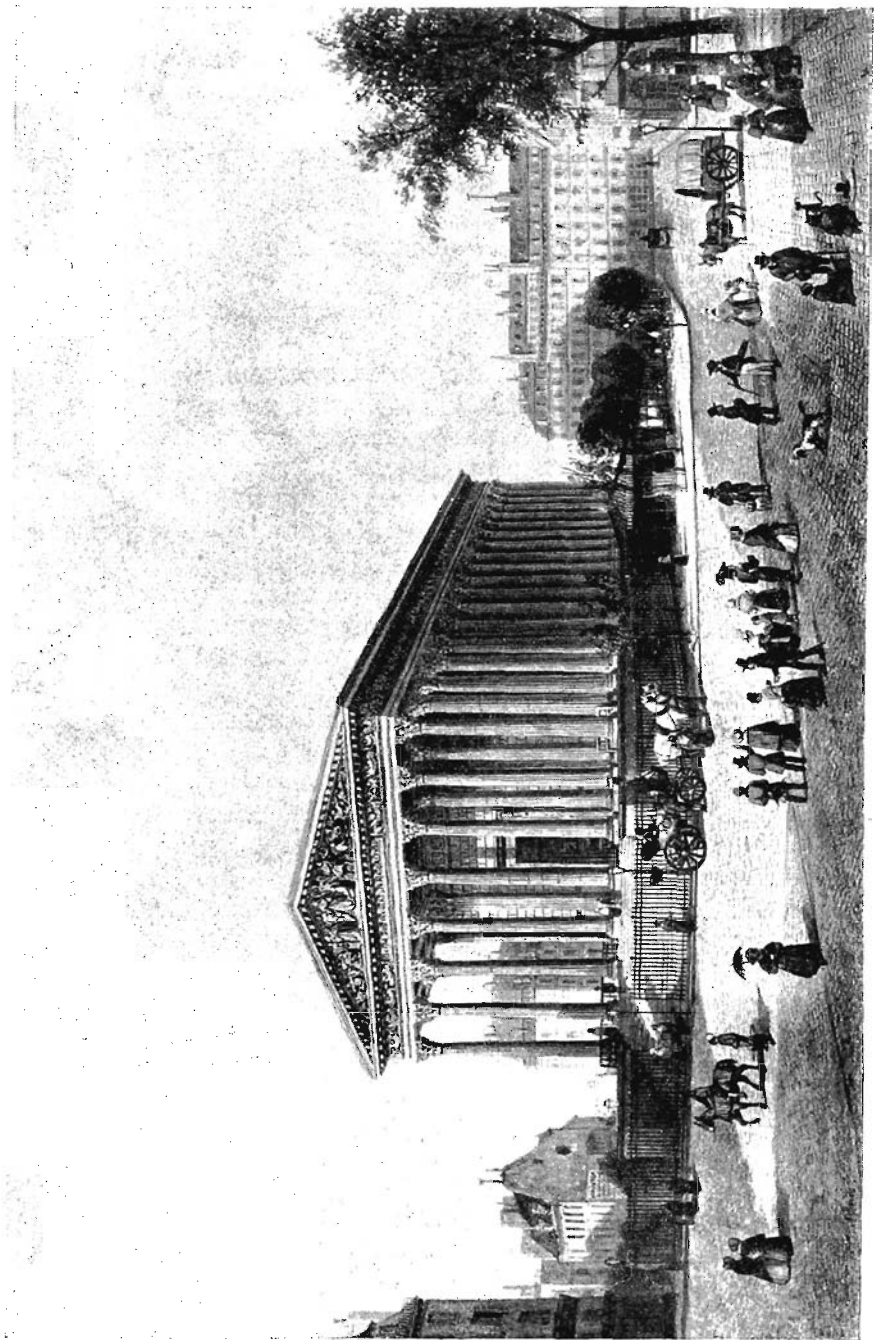
III. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ В ПАРИЖЕ В 1838—1839 гг.

1

Учиться у Франции, чтобы потом культурный и политический опыт ее применить на родине, в России,—эта мысль была очень близка Вяземскому в молодые годы. Свое стремление во Францию для этой цели он объяснял, и очень справедливо, некоторыми особенностями своего характера, который делал ему особенно близким французскую политическую и литературную школу.

«Надобно непременно ехать в Париж года на два. Галиани говорил: «В Петербурге, Стокгольме философы растут в теплицах; в Париже—на открытом воздухе». Теперь метафизическая философия уступила место метаполитической философии, и родимый край ее—все тот же Париж.

В Англии учиться труднее, чем во Франции; там задачи уже разрешены, а здесь их еще решают. Поле, уже покрытое созревшей жатвою, не откроет вам науки земледелия; ступайте учиться ему там, где только что начали пахать, и следуйте постепенно за шагами земледельца... Не знаю, как и когда приступить мне к исполнению намерения, но я твердо в нем стою. Я не могу учиться по книгам; я похож на этих детей, коих непокорное внимание сбрасывает с себя труд; их учат шутя, разговаривая с ними... разговор врезывается в мою память; чтение в ней рисуется и скоро стирается. Ты скажешь мне, что я имею лучший способ все знать только

ЦЕРКОВЬ ЛА МАДЛЕН В ПАРИЖЕ
Акварель Франсуа Виллере, 1840-е гг.
Эрмитаж, Ленинград

поверхностно; ты прав, но вот отчего и надобно мне ехать туда, где все легко отражается»¹.

Намерение уехать или хотя бы съездить в Париж становилось с каждым годом все более твердым, и в начале 1821 г. Вяземский уже лелеет определенный план путешествия на Запад. 4 марта он пишет А. Тургеневу, до которого уже дошли слухи о намерении Вяземского: «В Карлсбад или к другим водам поеду неотменно, буде не препятствия непредвидимые; Кострома и Париж оспаривают мое будущее»².

«Непредвидимые препятствия» не замедлили, однако, возникнуть и на долгое время отодвинули осуществление замысла Вяземского. «Кострома» взяла верх над Парижем, и Вяземский через месяц после цитированного письма уехал из преддверия Запада, из Варшавы, не на Запад, а в Москву, чтобы оттуда годами совершать поездки в Кострому, Пензу, Саратов, продолжая лишь в мечтах строить планы путешествия в Париж.

Годы «опальной» жизни Вяземского, когда он, по повелению Александра I, принужден был покинуть место своей службы в Варшаве, выйти в отставку и жить под тайным надзором в Москве, отмечены были непрекращающимся глубоким интересом к французским политическим событиям и литературе. Этот интерес приобретает постепенно привкус горькой обиды за свое бессилие принять активное участие в общественно-литературной жизни Европы. Отметим бегло, что в эти годы опалы особенное внимание Вяземского привлекают два французских сочинения, оба связанные с переживаниями опальных изгнанников и оба заставляющие его сравнивать прочитанное с собою, с собственным положением, в одном случае серьезно, в другом, конечно, с большой долей юмора.

Это, во-первых, книга г-жи Сталь «*Les dix années d'exil*», о которой он пишет Тургеневу: «Очень любопытно и занимательно и сродно для меня ссылочного» (12 октября 1821 г.)³.

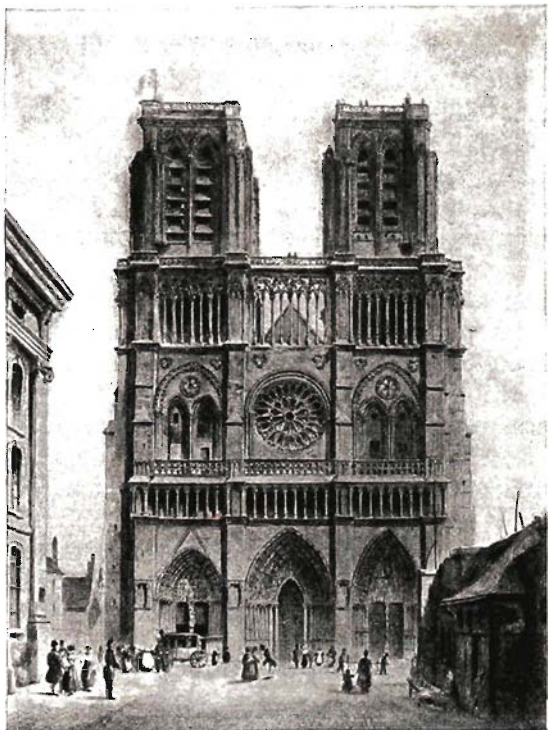
Вторым сочинением об опальном изгнаннике была нашумевшая в свое время книга Лас-Каза о Наполеоне на острове св. Елены, «*Mémorial de Sainte-Hélène*», изданная в 1823—1824 гг. Об этой книге Вяземский в 1836 г. написал: «Мемориал Ласказа есть, без сомнения, одна из важнейших книг нашего столетия» (статья «Наполеон и Юлий Цезарь»), а незадолго до смерти, в 1875 г., еще раз вспомнил эту книгу и время, в которое он зачитывался ею: «Наше тогдашнее поколение было более или менее под Наполеоновским обаянием. Вытерпленные им оскорбления и страдания на жгучей скале, осуществление и олицетворение в нем древнего баснословного Промефея, который также имел свою скалу и своего пожирающего ястреба в лице Гудзон-Лова, записки Лас-Каза, записки доктора Антомарки и другие красноречивые защитительные речи в пользу Наполеона и обличительные против жестокосердия к о в а р н о г о А л ь б о н а, поэтические проклинания Байрона в том же смысле, патриотические и остроумные песни Беранже, все это пробуждало в нас живые сочувствия к падшему Наполеону» (приписка 1875 г. к статье «Наполеон. Поэма Э. Кине») ⁴.

Чтение книги Лас-Каза возбудило в Вяземском желание перевести ее в извлечениях на русский язык. Проект Вяземского не был им осуществлен, но образ Наполеона на острове св. Елены все время рисовался перед Вяземским в период его опалы и привел его к смелой, хотя и в шутку проведенной параллели между участью Наполеона и своей собственной. Тайным надзором, цензурой Вяземский ощущал себя скованным, насиль-

СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Акварель Франсуа Виллере, 1840-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

ственно молчащим или говорящим совсем не то, что рвалось у него наружу. Бунтуя против цензорских тисков, против приглаживания житейски-мудрыми друзьями, Вяземский нарисовал однажды свой писательский путь, каким бы он хотел его видеть в идеале:

«Ради бога, не касайтесь мыслей и своевольных их оболочек; я хочу наездничать; хочу, как Бонапарт, по выражению Шихматова:

Взбежать с убийством на престол,

попирать все, что кидается мне под ноги, развенчать всех ваших князьков; разрушить систему уделов, которая противится единству целого; престолы ваших школьных держав подгнили, академические скипетры развалились в щепки... Пожалуй, проклинайте меня в церквях, называйте антихристом, а я все-таки буду шагать от Сены до Рейна, от Рейна до Эльбы, от Эльбы до Немана и так далее. А там и кончу жизнь свою на пустынной скале, оставляя по себе на память язык потрясенный и валяющиеся венцы разбитые и престолы раздробленные; а там и придут разжалованные мною цари подбирать обломки своих венцов и кое-как подправлять их и сколачивать свои престолы и сядут на них и бариться на них будут; а там и зазевают читатели, и возьмет их тоска и скажут они все в один голос: «Жаль, что нет этого куролесника; от него приходилось иногда ушам жутко, и грамматика от него морщилась и язык, стиснутый его железным кулаком, подчас визжал и ревел, но за то при нем было весело, было чего послушать, было чего ожидать; дух жизни, хотя и бурный, воспламенял сердца»... (письмо к А. И. Тургеневу, 3 июля 1822 г.)⁵.

Вяземский в своем остафьевском «заточении» имел своих «пигмеев», которые отравляли его жизнь, своего «Гудзон-Лова» (губернатора на

острове св. Елены)—цензора Красовского. Это сравнение сделал сам Вяземский, предлагая «выбить золотую медаль в тысячу рублей в честь того, который поколотит его или по крайней мере огреет его арапником, как Лас-Каз Гудзон-Лова» (письмо 7 декабря 1822 г.)⁶.

Когда царская цензура зажала рот Вяземскому, он с надеждой обратился туда, где постоянно находил себе идеологических союзников в своей оппозиции самодержавию. Напечатать в Париже то, что не пропускает цензура в России,—вот к какому плану приходит Вяземский в результате цензурных препятствий, на которые постоянно натывались его сочинения при публикации.

Впервые эта мысль возникла у него еще в 1819 г., когда цензура задержала его статью «О новых письмах Вольтера». Появившиеся в это время в «Liberal» отголоски на злободневные события в Варшаве вдохновляют его на связь с иностранным журналом.

«Я рад, однако же,—писал он Тургеневу 11 июля 1819 г.,—что есть в Европе апелляционный суд народов... Ущипни меня в Архангельске,—крик мой раздастся во Франции. Не послать ли моего «Вольтера» в «Либераль»? Хорош бы тут был Каченовский»⁷.

В 1819 г. Вяземский, вероятно, не осуществил бегло брошенной мысли. Но в опальные годы жизни в Москве эта мысль вновь и вновь должна была возвращаться к нему. Она окрепла в нем и являлась уже не как случайный вызов, а как твердое, хорошо продуманное намерение, которое и было им частично осуществлено. В 1823—1824 гг. Вяземский вступил в сношения с издателем «Revue Encyclopédique» М.-А. Жюльеном и сделался сотрудником его журнала (см. об этом выше специальную статью С. Н. Дурылина).

По собственному выражению Вяземского, во второй половине 20-х годов его томила «т о с к а п о ч у ж б и н е»: он стремился хоть на короткое время вырваться в «обетованную землю»—во Францию. Надежда не покидала его, и время от времени он делал какие-то попытки расстаться с Россией, так или иначе. Не без затаенной этой мысли он продавал в 1823 г. имение, объясняя это следующим образом: «Мне хочется непременно развязаться с судьбою: каждый день затягивает новую петлю». «Хочу дышать под вольным небом». В 1824 г. он поручил в Париже навести справки, во что обойдется ему жизнь там с семьей, и писал жене, которая была в это время в Одессе: «Я получил из Парижа от Волкова, коменданта, бюджет расходов, необходимо потребных нам в Париже. По его расчету страшно: около 60 000 рублей! Но Депре обещался мне выписать другой счет и найти человека, который взялся бы за определенную сумму с о д е р ж а т ь нас и дом наш, не считая разумеется т о г о, что я мог бы взять на с о д е р ж а н и е! А ты в Одессе рассчитывай до копейки, что можно там прожить»⁸.

Благоразумная В. Ф. Вяземская, однако, охладила пылкие стремления мужа следующим трезвым замечанием в ответном письме: «Да остепенись хоть раз... Avant de penser à Paris, pensons à une réunion, celle qui peut se faire à moins de frais est à Kieff ou Odessa, où avec économie on peut vivre à raison de 24 mille roubles et fort bien avec 30»⁹.

В 1825 г. Вяземский не мог себе простить, что не поехал путешествовать с Ал. Тургеневым, и завидовал его пребыванию в Париже. В канун знаменательного дня, 13 декабря 1825 г., Вяземский, сидя в Остафьеве, предавался мечтам о Париже и так рассуждал о нем в письме к другу:

«Для себя не желаю, чтобы ты ехал в Англию: довольно с тебя будет и Парижа, который, что ни говори, сосредоточие европейского просвещения... Париж как то более про нас писан. В нем есть всего: и жижицы и гущи. Кому недосуг переваривать пищу, тот пьет и сыт; у кого же желудок не скороспелка, тот—жуй, ешь и вари себе на досуге. Неужели никогда не удастся мне побывать в Париже? Мне кажется, что мы созданы друг для друга. У меня достало бы чувств на все его ощущения: как колоссу с золотой головою и ногами глиняными, климат парижский был бы впору и голове и ногам моим. Как не вздумалось мне ехать с тобою? Я часто жалею теперь об этом. Общими силами ездить выгоднее: лучше видишь и менее издерживаешь. А если я не запрягусь в дышло, то мне непременно нужно год побегать, побрыкать, побеситься на вольном воздухе. Чувствую, что кровь моя густеет от застоя»¹⁰.

События, происшедшие в Петербурге на следующий день после этого письма, надолго отодвинули для Вяземского возможность осуществить свою мечту. Жизнь складывалась так, что чем далее, тем нереальнее становилась возможность вырваться из власти «русского бога», и безнадежностью, иронией над самим собою начинают звучать слова Вяземского о Париже, о возможности побывать в нем. Для Вяземского была ясна закономерность того явления, что какая-нибудь Авдотья Сильверстовна Небольсина, прославившаяся именинными балами на всю Москву и больше всего на свете боявшаяся, чтобы на этих балах ее «гости не спорили громогласно и запальчиво», благополучно побывала в Париже, а он, Вяземский, проспоривший всю свою молодость с правительством, обществом и журналистами, попасть в Париж не мог. Ощущая себя «изгнанником на родине», он писал в минуту отчаяния: «Я—европейское растение: мне в Азии смертельно. В Азии и лучше меня живут—не спорю, да я жить не могу: черви меня заедают» (12 ноября 1827 г.)¹¹.

В минуты горькой иронии к себе, к России, к русскому обществу он дал следующее безнадежное сравнение себя с Моисеем, не достигшим своей «обетованной земли»:

«Что делает Жуковский в Париже? Вот русского судьба! Были в Париже Авдотья Сильверстовна Небольсина, Василий Петрович Титов, Василий Андреевич Жуковский, а меня не было да и верно не будет; а не то не было бы у нас морозов летом, оттепелей зимою, пословицы «Не суйся, середя, прежде четверга», Петра Великого и Михайлы Трофимовича Каченовского, роговой музыки и Фишетки Бартеневой и того и другого, и третьего и десятого. Будь я в Париже и не бывай в нем Небольсина и Жуковский, и вся Россия сделалась бы а н д е р ф и г у р н о в а к о м е д и я. Я, не выдавший Парижа, и умерший, как Моисей, не зревший обетованной земли,—одна из необходимостей старого завета нашего. А продолжения впредь мне не дожидаться и Парижа не видать, вот те Христос: я в этом уверен. Жуковский, посмотри на него за меня хорошенько вдоль и поперек, спереди и сзади... Сохрани свято и ненарушимо натуральный запах парижский и окури меня им, мой благодетель!» (письмо к А. И. Тургеневу в Париж 6 июня 1827 г.)¹².

2

Вяземский оказался плохим пророком: он увидел свою «обетованную землю», попал в Париж и много раз бывал в нем в течение второй половины жизни. Но он попал в него тогда, когда Россия «роговой музыки»,

Титовых и Небольсиных жестоко перемолола его на свой лад, когда он потерял право противопоставлять себя официальной николаевской России.

Он попал в него вице-директором департамента внешней торговли, после восьмилетней чиновничьей службы по министерству финансов. Прошло десять лет со времени его последнего «бунта» против правительства, когда, оскорбленный Николаем по доносу Булгарина, он решил «экспатрироваться» — бежать прочь из России, если ему не дадут «полного и блестящего удовлетворения». Однако, из России он не бежал, хотя удовлетворение, которое ему было дано, не было ни полным, ни блестящим. После письма Николаю I, после «Исповеди», поданной на рассмотрение правительству, он вступил на службу, избрав, по желанию царя, место, глубоко антипатичное ему по характеру работы. С отвращением выполняя первоначально свои служебные обязанности, он постепенно втягивался в новую деятельность; проблемы государственной и частной торговли, дела таможенные, организация банков, промышленных выставок и т. п. начинают его занимать и помимо долга службы. «Коммерческая Газета» начинает брать перевес над «Литературною Газетой», хотя Вяземский и продолжает, по привычке, горячо ратовать за литературные предприятия своих друзей, Дельвига и Пушкина. В течение 30-х годов собственная литературная деятельность Вяземского временно иссякает, почти сходит на-нет. Это годы, когда совершается им переоценка ценностей, мнений, авторитетов, когда из либерала-оппозиционера выковывается будущий консерватор-реакционер, когда автор «Русского бога» (1828) медленно превращается в автора «Святой Руси» (1848). Первая поездка в Париж Вяземского приходится как раз на середину этого периода, на 1838—1839 гг.

Смена авторитетов и мнений не могла не найти своего отчетливого выражения в отношении Вяземского к Франции. Слишком ярко светила ему издали «обетованная земля» в годы «вольнодумства», чтобы, осудив последнее, Вяземский не поспешил также осудить источник своего политического и журнального либерализма.

С другой стороны, изменилась и сама Франция. Июльская революция 1830 г. поставила у власти финансовую и промышленную олигархию, страной правили банкиры и биржевые короли. В политике Франция стала оплотом буржуазной реакции, душившей всякое либерально-оппозиционное и, тем более, революционное движение. В литературе, наряду с победой романтизма над классицизмом и уверенными ростками буржуазного реализма, господствовали писатели, открыто находившиеся на службе у буржуазной реакции, — Скриб, Поль де Кок и др. Журналистику, политическую жизнь и быт пронизывал дух продажности, стяжания, всемогущества, богатства и отсутствия идеалов. В этой Франции Людовика-Филиппа Вяземский менее всего мог узнать «обетованную землю» своей вольнодумной юности. Чужда ему теперь и политическая борьба «молодой Франции», стремящейся найти исход из того общественного болота, в которое погрузила страну Вольтера Июльская монархия. Аристократ и дворянский идеолог Вяземский испытывает враждебность к социально-политической и культурной активности французской радикальной мелкой буржуазии 30-х годов.

В письмах в Париж к тому же Тургеневу Вяземский с болезненным раздражением пишет теперь о «министерских передрягах» во Франции

и противопоставляет им прочно наложенный политический порядок Англии. Политических деятелей Франции он награждает презрительными кличками «болтунов» и «актеров». Политическая борьба между различными группами правящей верхушки буржуазии, с одной стороны, между правительством и либеральной и республиканской оппозицией— с другой, что приводило к столь частой в 30-х годах смене министерств, мало интересует Вяземского и раздраженно воспринимается им лишь, как «министерские дразги». Пятнадцать лет ранее он переживал французские парламентские бои, как свое личное, кровное дело, и, находя в них ответы на многие вопросы, поставленные русской жизнью, горячо аплодировал Б. Констану и другим. Теперь он высказывает опасение, что конечным результатом этих «передраг» будет то, что «привалит... такое министерство, что только и будет кричать: «Держи лево!» и все и всех перебьет». Наблюдения политической жизни Франции 30—40-х годов все более рождали в Вяземском боязнь перед теми социальными силами, которые хотели «держатъ лево». И именно после победы этих сил, хотя и кратковременной, после революции 1848 г., Вяземский впервые объявил себя сторонником порядка «православия, самодержавия и народности».

Поворот в отношении к французской политике не замедлил сказаться прежде всего на отношении к французской журналистике. Прежнего

[illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА
П. А. ВЯЗЕМСКОГО К ЖЕНЕ ИЗ
ПАРИЖА ОТ 2 СЕНТЯБРЯ 1838 г.

Местоотправление письма — „Paris“ —
записано справа налево и заштриховано

Архив феодально-крепостнической эпохи,
Москва

благоговения перед нею не осталось и следа. Теперь Вяземский сравнивает ее с кабатчиками, спаивающими народ. «Вся Франция движается, восстает и падает от готовых фраз. Это—самодержавие слов. Доктринеры пали, потому что журналисты нашептали хмельной Франции, как жиды-корчмары пьяным мужикам, слово: доктринеры, которое смысла не имеет, а система министерства осталась та же. *La chose est restée moins l'habileté et la loyauté des hommes qui soutenaient le principe*. На что это похоже»¹³. В письме от 2 ноября 1836 г. он подчеркнул свое изменившееся отношение следующей фразой: «У меня, например, душу прет от прений французских журналов, которые я прежде читал с верою и страхом». Тот же поворот замечен и в отношении Вяземского к художественной литературе Франции. Он восхищается теперь не «поэзией, делающей политику», а дворянской поэзией Альфреда де Мюссе, оплакивающего гибнущую аристократию, его поэма «*La confession d'un enfant du siècle*» приводит Вяземского в восторг.

Правда, он чутко оценил достоинства только что появившегося романа Бальзака «*Le père Goriot*», но, в общем, стал значительно консервативнее и в вопросах литературы. Ламартин находит в нем уже менее резкого критика, а имя Шатобриана начинает произноситься им с уважением и без критики. Политический консерватизм ведет его в вопросах литературы еще далее в прошлое, и он высказывает в письме к Тургеневу по этому поводу мысли, которые, вероятно, привели бы его в негодование в начале 20-х годов:

«Французам простота никак не дается. Они чувствуют необходимость этой стихии в поэзии, но язык ли, нравы ли или чорт знает что, противится этому. Формы простые, но выражение так же натянуто и чопорно. Едва ли Расин не прав, и стих его—единственно возможный стих во французском языке; в нем французская поэзия хозяйкою дома; в других она подкидыш. А может быть и вообще форма века Людовика XIV есть единственно возможная форма для Франции. Верно то, что, выбившись из нее, она делала только попытки республики, империи или императории, монархии конституционной, и нельзя поручиться, что через год не попадет она в первую или другую «*moins l'empereur*», как прекрасно было сказано, а в первую «*moins les victoires*» вероятно» (7 марта 1836 г.)¹⁴.

Раздражение, вызываемое современным политическим состоянием Франции, резкая его критика не препятствовали Вяземскому попрежнему зачитываться всякого рода новинками, получаемыми из Франции, ждать их с нетерпением, с волнением вскрывать полученные посылки из Парижа и восторгаться или разочаровываться, в зависимости от их содержания. Мысль о поездке в Париж, конечно, продолжала быть чрезвычайно заманчивой, хотя уже была чужда того страстного порыва, который ее отличал в 20-х годах.

Вяземский впервые попал в Париж во время своей второй поездки за границу, в 1838 г. Получив служебный отпуск, о продлении которого он потом должен был несколько раз ходатайствовать, Вяземский выехал из Петербурга один, без семьи, морем в Германию для лечения глаз. Однако, затаенная мысль о посещении Парижа или, вернее, сожаление, что не он является целью поездки, не было чуждо Вяземскому при отъезде. «Отчего не выкопаете вы целительных вод в Париже?»—шутя спрашивал он Тургенева в письме от 25 февраля 1838 г.

Придя курс лечения в Киссингене, Вяземский должен был отправиться

„НЕУДОБСТВА ПРОГУЛКИ В ЭКИПАЖЕ
ПО ПАРИЖУ“

Рисунок в альбоме П. И. Челищева, 1839 г.

Литературный музей, Москва

на морские купанья в Булонь или в Англию. По пути к морю он решил заехать в Париж и провести там несколько дней. Выезжая за границу, Вяземский не имел разрешения на посещение Парижа и, вероятно, оформил это дело полулегально, через русских посланников во Франкфуртена-Майне и Париже. Поэтому он предпочитал не называть в письмах к семье место своего путешествия, а заставлял лишь догадываться о нем. Первое упоминание о предполагаемой поездке в Париж появляется в письме к жене от 2 августа 1838 г.: «Я думаю,—пишет Вяземский из Франкфурта,—всего вернее заехать по дороге в местечко безымянное—

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу

и пробыть там недели две в виде беглого солдата или контрабандиста. Только прошу не выдавать и продавать меня, а писать попрежнему во Франкфурт, до дальнейшего распоряжения»¹⁵.

В письме от 7/19 августа опять читаем намек на путешествие в Париж: «Благословите меня, батюшки, благословите меня, матушки! Еду не на огненном судне, а в огненный город, а куда не скажу...».

Далее в письмах из Страсбурга находится описание пути из Франкфурта и шутливое изображение переживаний в ожидании Франции. Ее первый вестник—часовой во французской форме—вызвал следующие строки в письме: «Воображение мое улыбнулось при этом виде. Мне казалось, что наконец совершается со мною давножданное таинство». В своих дорожных наблюдениях над европейскими нравами Вяземский невольно поражается их контрастом с нравами России.

Но уже первые впечатления от Франции по пути в Париж вызывают в Вяземском какое-то смутное разочарование. Письмо от 22 августа, которое мы печатаем ниже, содержит ироническую фразу: «Cette belle France—Тамбовская губерния». Пребывание в Париже изо дня в день уси-

ливало это разочарование, причины которого сам Вяземский правильно находил и в самом себе и в изменившейся Франции.

Вяземский прибыл в Париж 25—26 августа и пробыл в нем 10 дней. Ниже мы печатаем его письма к семье из Парижа от 31 августа, 2 и 3 сентября. Продолжая скрывать в письмах название города, он то именует Париж Франкфуртом-на-Сейне, то надписывает какие-то каракули, которые советует прочесть отраженными в зеркале. В Париже Вяземского встретили А. И. Тургенев и Ф. Ф. Гагарин, которые и были его руководителями при обзоре Парижа в течение этих 10 дней.

Во всех впечатлениях Вяземского, описанных в этих письмах, характерно то, что он невольно сверяет свой воображаемый Париж, каким он представлял его себе десятки лет, с Парижем действительным, и подлинный город кажется ему недостаточно людным, кипучим, слишком смирным, «благочинным». Он делает вывод, что народ в Париже «не беспокойнее другого». Причина же его волнений в том, что «ему подливают каждое утро чашку дурмана: журналы, вот что мутит народ». Далее следует глубоко личная фраза, в которой Вяземский 1838 г. отрекается от Вяземского—сотрудника журналов Жюльена и Гизо: «Тяжела мне эта исповедь, а таить греха нечего».

Первые внешние впечатления от Парижа переплетаются с беглыми сообщениями об интересных встречах и знакомствах, которые пока немногочисленны и случайны.

Утром 5 сентября Вяземский вместе с А. И. Тургеневым выехал через Булонь в Англию, где в Лондоне и Брайтоне пробыл до середины ноября.

На обратном пути из Англии Вяземский вновь заехал в Париж, предполагая остаться в нем всего 4 дня, но пробыл в нем около двух недель, с 16 по 29—30 ноября. В декабре он был уже во Франкфурте-на-Майне. Письма к семье во время этого второго посещения Парижа наполнены, главным образом, личными делами, и мы печатаем из них лишь выдержки, содержащие впечатления от пребывания в Париже (письма от 19 и 29 ноября).

Следующее посещение Парижа состоялось очень скоро и имело, очевидно, вполне легальный характер. Встретившись во Франкфурте с женой и младшей дочерью и прожив там два месяца, Вяземский в конце января вместе с семьей направился, по совету франкфуртского доктора, для дальнейшего лечения в Париж. В Париже Вяземский смог пробыть немного более двух месяцев и за этот промежуток написал несколько длинных писем с описанием парижской жизни, которые мы публикуем ниже почти полностью, исключая небольшие семейные и деловые сообщения. Письма эти адресованы старшей дочери Вяземских, Марии Петровне, в замужестве Валуевой.

Пребывание в Париже окончилось для Вяземского служебной неприятностью. Его длительный отпуск приходил к концу, и нужно было хлопотать о его продлении. Между тем, в Петербурге стали смотреть на пребывание Вяземского в Париже, как на развлечение и на забаву, а не как на серьезное лечение, и прямой начальник Вяземского, граф Канкрин, отказался хлопотать перед Николаем о продолжении отпуска. Вяземский, предполагавший провести летом еще один курс лечения в Киссингене, был чрезвычайно взволнован и возмущен отказом. Он просил Валуевых принять все меры к тому, чтобы выхлопотать отпуск, использовав про-

текцию в. к. Михаила и его жены, через А. О. Смирнову. Однако, выхлопотать отпуск Вяземскому не удалось. В начале апреля 1839 г. Вяземский был принужден спешно выехать из Парижа. 15 апреля он был во Франкфурте, а в мае вернулся в Петербург.

В одном из писем с дороги, из Берлина, Вяземский написал жене следующие строки, которые резюмируют его впечатления от главных стран Европы, в которых он побывал: «Англия—рай человеческий, рай рукотворный, умотворный, как Италия—рай небесный [в Италии Вяземский был в 1835 г.]. Только эти две страны и стоят чего-нибудь, а все прочее хоть потопом залей».

Франция, как «обетованная земля», не существовала более для Вяземского. Пережитое разочарование тяготило его самого, и он старался дать себе отчет, почему при обилии чрезвычайно интересных и острых впечатлений Париж все же не втягивал его в себя, но с каждым днем все более отталкивал. «Отчего это? Трудно решить эту физиологическую и психологическую задачу»,—рассуждал он в письме от 28 февраля 1839 г. к Валуевым.

«Кто тут виноват? Я ли? Париж ли? Вероятно, оба. Я от того, что слишком стар, слишком исключителен, слишком целен... Здесь, где политика во все вмешивается, одна из главных стихий окружающей вас атмосферы и входит во все поры умственные и сердечные, нельзя с моим расположением оставаться нейтральным,—особенно в настоящую минуту, где все приняло новое движение».

Указание Вяземского на политику, как на главную причину его разочарования во Франции, совершенно бесспорно.

В течение пятнадцати лет, незаметно для себя, но постоянно и неуклонно, Вяземский отходил от либерализма молодых лет и становился убежденным защитником реакции. Ко времени посещения Парижа процесс этот, в сущности, был завершен, хотя и оставался не осознанным.

Надвигавшаяся революция 1848 г. заставила Вяземского до конца продумать свое политическое credo и со всей откровенностью выразить, с одной стороны, ненависть к революционной демократии и преданность самодержавию—с другой.

Но и в 1839—1840 гг. Вяземский угадывал в постоянном движении политической жизни Франции назревающую опасность и, опасаясь будущего, резко критиковал настоящее.

Критика эта приобретала тем более раздраженный характер, что невольно должна была вызывать в Вяземском мысли о крахе его молодого «вольномыслия», источником которого была передовая Франция 1810—1820 гг. Теперь вся эта полоса жизни воспринималась Вяземским, как печальное заблуждение молодости, и старческое брюзжание сопровождало его отзывы о городе, когда-то бывшем для него «обетованной землей».

В. Нечаева

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О. А., I, стр. 161—162.

² О. А., II, стр. 172.

³ О. А., II, стр. 216.

⁴ Вяземский, II, стр. 256.

⁵ О. А., II, стр. 268.

⁶ Там же, стр. 286.

⁷ О. А., I, стр. 266.

⁸ О. А., V, вып. I, стр. 17.

⁹ Перевод: «Прежде чем думать о Париже, подумаем о местной жизни, в Киеве или в Одессе, которая потребовала бы меньших издержек и где экономно можно жить с 24 тысячами и очень хорошо с 30-ю». О. А., V, вып. 2, стр. 115.

¹⁰ «Архив братьев Тургеневых», вып. 6, стр. 21.

¹¹ О. А., III, стр. 167.

¹² Там же, стр. 162—163.

¹³ Там же, стр. 297 и 306—307. Перевод: «Все осталось попрежнему, кроме умения и честности людей, которые поддерживали принципы».

¹⁴ Там же, стр. 311. Перевод: «Без императора», «без победы».

¹⁵ Как это, так и следующие цитируемые письма Вяземского к жене не опубликованы.

ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО ИЗ ПАРИЖА 1838—1839 гг.

1

22 августа [1838 г.]¹

Странное дело! Я не нахожу Франции во Франции. Уж мой чиновник² не завез ли меня куда-нибудь в другое место! Чего доброго? Все тихо, все безмолвно! Нет ни одной водевильной сцены. Ни слова я не слышу о политике. *Cette belle France*—Тамбовская губерния. Правда, что еду по вшивой Шампани и с этой стороны Франция не лицом продает свой товар. Подъезжаю к Эперне³, все шампанское, выпитое мною во всю жизнь, разыгралось однако ж во мне и что-то стало теплее на душе. Я подбавил еще свеженького и что-то поэтическое забурчало в желудке. Подле меня в дилижансе сидит французский солдат вовсе не скрибовской школы, а меланхолик. *Il va en convalescence*⁴, то-есть имеет 3-х месячный отпуск после болезни и едет к родным своим, у которых надеется насытиться счастьем и говядиной, ибо жалуется на госпитальный голод и вообще на худое солдатское содержание. 1 франк на 20 дней. Воля ваша смешно сказать, а что-то есть унылое—может быть болезненное и недовольное—в общем чувстве Франции. Судить по первому взгляду глупо, и я не сужу, а передаю бегло, не успевая договаривать и объяснять впечатления мои. Но оно так. Может быть и зеркало мое тускло, и без сомнения и эта причина должна войти в соображение, но должна быть и правда, независимая от меня. Я верю своим предчувствиям и инстинктам.

¹ Письмо написано по дороге из Страсбурга в Мец.

² «Чиновник»—часто встречающееся у Вяземского шутовское иносказание для обозначения неудач, постигавших его. Он приписывал эти неудачи воображаемому «чиновнику особых поручений» или «титularному советнику», якобы, к нему приставленному,—шутка, очень характерная для николаевской эпохи.

³ Эперне—город в Шампани.

⁴ Он едет на поправку.

2

19/31 августа 1838 г.

Франкфурт на Сейне¹. Кажется так, а если ошибаюсь городом, или рекою, то извините. Я всегда худо знал женографию, а с тех пор что шатаюсь по морю и по земле, то еще пуще сбиваюсь с толку.

Нужно ли мне представиться к Поццу-ди-Боргу²,—спрашивал в Берлине кажется какой-то Огарев.—Да он в Париже, отвечают ему.—Нет, я говорю о здешнем Поцце-ди-Борге—дело в том, что он полагал, что все наши послы и посланники именуются Поццо-ди-Борго. А для меня, чтобы не обре-

менить памяти своей, то что город, то Франкфурт. Пожалуй Франкфурт переносись куда хочешь, а я в нем засел, и ты пиши мне во Франкфурт, ей богу, во Франкфурт, только не *post-e-restante*, а *post-e-soi-grante*³. Впрочем, франкфуртские Поццы-ди-Борги знают где меня сыскать.

После этих эпиграфов приступим к делу, то-есть к бреду. Я начну бредить. Слушайте, не верьте, а слушайте. Уф! *Comme toutes ces plaisanteries sont froides*⁴, и ничуть не умны. Уж не поглупел ли я? Попробуем еще. Не уж ли я в самом деле в... в... в... в... Сила крестная с нами! Выговорить не могу. Так дух и спирает. Чертенята в глазах пляшут, в глазах рябит, в ушах звучит, в голову стучит!

Письмо к моему другу Стендалю - Париж

*Mon bonjour comme il lui a dû être dur
Lui, avec le remède demain à 10 heures?
Il y a un trait de folie d'un genre
Cela me fait penser à la Nouvelle
Éprouvée au prisonnier!*

АВТОГРАФ ЗАПИСКИ СТЕНДАЛЯ К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Сверху помета рукою Вяземского

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

Добросовестным и присяжным туристом въехал я в город на империале дилижанса в сообществе с полдюжиною кроликов, которых кондуктор где-то купил дорогою, чтобы здесь перепродать их с барышем. Город с этой стороны не очень выгодно представляется, и я мог бы остаться и в купе. На дворе *messagerie*⁵, куда пристал дилижанс около шести часов утра, нашел я ожидающих меня Тургенева и Гагарина⁶. Проводили они меня в *rue Neuve, St. Augustin, Hôtel* [название нрзб.], где уже наняли для меня комнату. Первою заботою моею было пойти в китайские бани на бульваре. Славно! Вымазали мне голову какою-то яичницею с *eau-de-Cologne*, намазали тело каким-то благовонным тестом, после намылили неапольским мылом, взбитым горою, как праздничное блюдо *la crème fouettée*, все это с приговорками французскими, объясняющими мне, *qu'on me faisait prendre un bain de voyageur*⁷. Все эти припарки и под-

мазки стоили мне около десяти франков, а простая водяная баня стоит около трех. Но мне нужно было дать себе аристократическую баню, чтобы смыть с себя демократическую грязь, которою запачкался я в своем ди-лижансе. Потом первые часы моего пребывания были посвящены на бег-лое обозрение оглавления некоторых частей города. Нет, соврал! первое посещение мое было православное. День был воскресный, и я пошел в нашу церковь, где нашел молодых Репниных, Дурнова, Шипова. Оттуда занес я карточку к нашему послу, которого уже видел во Франкфурте, в том что на Майне. Город был в движении. У нас родился внук, которого мы прозвали *le gamin de Paris*⁸, и Тюлерийский дворец и сад были об-ставлены национальной гвардией, которая ходила поздравлять королев-скую фамилию. Несмотря на этот торжественный и экстренный случай, мне казалось, так много наслышался я о здешнем кипучем народонаселе-нии, что везде довольно просторно и плавно, по той же причине, по кото-рой с первого раза храм св. Петра кажется не так уже огромным как уве-ряли. Впрочем и в самом деле пора теперь глухая, да и по воскресеньям менее народа на улицах, нежели в другие дни.

Город расходится по окрестностям, и не сосредоточивается в главных пунктах будничной деятельности. Но между тем я все-таки стою на своем: первое впечатление противоречит ожиданиям. Нет этой кипучей бездны под глазами. Может быть и то, что я уже знаю Рим и Неаполь. Например публика театров очень смирна, смиреннее нашей. Гораздо менее рукопле-сканий и вызовов. Все благочинно, хотя в антрактах и накрывают голову шляпою. Правда что здешняя публика имеет право выражать и свое неудовольствие, когда ей вздумается, но я свистков еще не слышал. Впро-чем, слушая мой рассказ, помните всегда, что мой чиновник по особым поручениям вечно при мне, следовательно все не так делается, как бы делалось без меня. Например я очень мало встречаю пригоженьких лиц на улицах: *Les grisettes élégantes* вероятно запираются по домам моим титулярным советником, когда он меня выгоняет на улицу. В первый день обедал я с Гагар[иным] и Тург[еневым] у Мещерских⁹ *aux champs Elysés*. Вечером был я в *Variété* смотреть баядерок, заправских баядерок, род наших московских цыганок, но пляска наших живее. Эти ломаются и гнутся. Из *Variété* пошли в *Concert*... Та же зала, в которой даются знаменитые балы, претворившаяся в сад. Сняты крыша и пол. Битком набито, но также все молчаливо и благопристойно. На другой день был на заседании Академии наук, видел несколько лиц известных мне по име-нам: Arago¹⁰ и проч. Встретил тут Гумбольдта. Доселе видел я еще мало знаменитостей. Вчера в театре указали мне J. Janin и Balsac. Последний имеет что-то копьевское в лице, широкое и жирное¹¹. Был на вечере M-me Ancelet¹². Встретил там римского Стендала¹³. Та же мужиковатость, но здесь он веселее. Хвалят книгу его *Les mémoires d'un touriste*. Обедал у Л. Веймара¹⁴ и у жены его. Живет барином, щегольски и роскошно. Портит мне здешнюю жизнь то, что хочется скорее уехать купаться. Выеду вероятно во вторник, то-есть 4-го сентября н. с., итого проведу здесь 10 дней. На возвратном пути кину еще недели три в эту широкую и все-пожирающую пасть, но кину их с большим расчетом, т. е. распределю время свое порядочнее. Язва путешествий это необходимость все видеть, то-есть глупая обязанность, на которую добровольно и мученически об-рекаешься *un faux point d'honneur, un article de foi mal entendu*¹⁵. Чтобы приятно путешествовать, надобно решиться ни за чем не бегать и

видеть только то, что попадаете вам на дороге. Но на это нужно время и не спешить. Путешественник похож на человека, который опоздает к обеду и должен догонять обедающих. Надобно проглотить и старое и следовать за текущим, а здесь каждая минута сует что-нибудь в горло. Соберу воспоминания свои и надеюсь в Брайтоне¹⁶ привести их в порядок.

Погода здесь прекрасная, персики и дыни—объядение, Пале-Рояль обворожительно мил, красив, чист, роскошь кофейных домов ослепительна. Фанни Ельслер¹⁷ восхитительна, я не видал Tagliioni¹⁸ в cachucha¹⁹, но без

ИЗ ПАРИЖСКИХ ЗАРИСОВОК П. И. ЧЕЛИЩЕВА, 1840 г.

Литературный музей, Москва

ума от здешней, оркестр оперы чудесной, то-есть французской, итальянского теперь нет, слышал Дюпре²⁰ в Huguenots и в Muette de Portici, видел балет Le diable boiteux, пожертвовал Фанни Ельслер фейерверком и иллюминациями по случаю Парижского графа, на которого сердятся здесь, говоря, что это попятный шаг к феодальным понятиям. Здешний народ не беспокойнее другого, но ему подливают каждое утро чашку дурмана: журналы, вот что мутит народ. Тяжела мне эта исповедь, а таить греха нечего. Сейчас иду к М-me Récamier²¹. Здешний город еще тем хорош, что в шесть дней моего пребывания получил я четыре письма от вас. Полуэктовы²² здесь, но ждут из России решения возвратиться ли или ехать на зиму в Италию. Я ездил с ними в St. Germain по железной дороге.

Поймете ли вы что из письма моего? Пишу как угорелый. Нет времени собраться с мыслями. Каждое утро здешнее стоустое и сторукое чудовище ревет и машет и призывает в тысячу мест. Как тут успеть, и как голове не кружиться.

Обнимаю вас, мои милые. Дайте опомниться в Брайтоне. Как волны не будут стучать и колотить меня в голову, но все не здешним чета. Не забудьте. Франкфурт на Сейне.

20 авг[уста]
1 сент[ября] [1838 г.]

¹ Т. е. Париж, по шутливо-эзоповскому выражению Вяземского.

² По ц ц о д и Б о р г о, граф (1764—1842),—русский посол в Париже (1814—1835).

³ Почта до востребования и почта, следующая за адресатом.

⁴ Как все эти шутки скучны.

⁵ Messagerie—почтовый двор, станция.

⁶ Га га р и н Федор Федорович (1787—1863)—брат кн. В. Ф. Вяземской.

⁷ Что мне была устроена баня путешественника.

⁸ Называя внука короля Луи-Филиппа «le gamin de Paris», Вяземский перефразирует иронически его официальный титул—le comte de Paris.

⁹ М е щ е р с к и е—кн. Элим Петрович Мещерский и его жена, урожд. В. С. Жихарева. Э. П. Мещерский (1808—1844) находился в Париже при русской миссии и был корреспондентом министерства народного просвещения. О нем см. в настоящем сборнике специальную работу проф. Андре Мазона.

¹⁰ А г а г о Доминик-Франсуа (1786—1853)—французский ученый, физик и астроном.

¹¹ Внешность Бальзака Вяземский сравнивает с Копьевым, известным в допожарной Москве остряком. Вяземский рассказывает в «Старой записной книжке» несколько анекдотов, связанных с именем Копьева, и называет его «большой проказник», «злой шутник». См. В я з е м с к и й, VIII, стр. 157, 325, 365, 467.

¹² Г-жа А н с е л о Виргиния (1792—1875)—писательница, автор многих романов и пьес. Жена драматурга Жака Ансело, автора книги «Six mois en Russie», на которую Вяземский написал рецензию, напечатанную в «Московском Телеграфе» в 1827 г., ч. XV, стр. 216—235.

¹³ Со Стендалем Вяземский впервые познакомился в Риме в 1833—1834 гг., поэтому он и называет его здесь «римский». В одном из неопубликованных писем Вяземского к сыну, Павлу Петровичу, читаем: «Скажи Смирновой, что Бель-Стендаль говорит мне всегда: mon général. Это напоминает мне, что, когда Шаликов представился в первый раз Дмитриеву, он также говорил ему: mon général» (письмо от 5/17 января 1834 г.).

В альбоме Вяземского сохранился автограф следующей записки Стендаля:

Mon voisin veut-il lire ces deux [pièces?] du [Temps?] et me les renvoyer demain à 10 heures?

Il y a un trait superbe d'un jeune cosaque. Quel empire si la bourgeoisie répondait au paysan!

[Не угодно ли моему соседу прочесть эти две статьи «Temps» и вернуть их мне завтра в 10 часов?

Там есть замечательные слова одного молодого казака. Какая мощь, если бы буржуазия пошла навстречу крестьянину!]

Сверху рукою Вяземского написано: «Записка ко мне Стендаля-Бейля».

¹⁴ Л о е в е-В е и м а р с Франсуа-Адольф (1801—1854)—французский литератор. Познакомился с Вяземским во время приезда в Петербург в 1836 г. и бывал у него в доме. Жена Л.-Веймара была русская, урожд. Голынская.

В альбоме Вяземского сохранился автограф следующего письма Пр. Мериме к Леве-Веймару, который, очевидно, и подарил его Вяземскому:

Cher ami,

Lundi soir si vous voulez nous coulerons à fond la grande affaire des reçus et du nom du club qui préoccupe beaucoup de gens. Nous nous réunirons à 8 heures chez Blanc.

Armand Bertin que j'ai recolé aujourd'hui m'a dit que Mr. le Duc d'Orléans nous donnait dix mille francs pour sa cotisation. Cela prouve que nous faisons grand bruit. Je l'ai engagé à ne pas démentir la nouvelle.

Il serait important d'avoir quelques adhésions de gens de qualité pour attirer le monde dans notre club. Chessaard dit que vous avez un certain nombre de feuilles volantes avec des adhésions, il faudrait les envoyer ou les apporter lundi afin de les coller dans le registre. Vous savez qu'un nom en attire d'autres.

Mr. de Fitzhames accepte avec reconnaissance.

6 mai.

Tout à vous

Pr. Mérimée

Адрес: Monsieur Loeve-Veimars
Rue de Provence

Перевод:

Милый друг,

Если хотите, в понедельник вечером мы покончим с разбором счетов и с названием клуба—с этим великим делом, которое занимает сейчас многих людей. Мы соберемся к восьми часам у Блана.

Арман Бертен, которого я сегодня завербовал, сказал мне, что герцог Орлеанский вносит десять тысяч франков.

Это доказывает, что мы на шумели. Я попросил его не отрицать этих слухов.

Было бы важно иметь среди наших членов несколько известных лиц, чтобы привлечь публику в наш клуб. Шессар говорит, что у вас есть листки со списками новых членов, нужно будет прислать их или принести в понедельник, чтобы вклеить в регистрационную книгу. Вы знаете, что одно имя притягивает другие.

Г-н де Фитцам с благодарностью соглашается.

6 мая.

Ваш

Пр. Мериме

Адрес: Господину Леве-Веймару
Улица Прованса.

¹⁵ Ложное понятие о чести, плохо понятый символ веры.

¹⁶ Брайтон—приморский город в Англии, морской курорт.

¹⁷ Фанни Эльслер—знаменитая танцовщица. В 1848—1851 гг. выступала в Петербурге и Москве с исключительным триумфом.

¹⁸ Тальони (1804—1888)—знаменитая танцовщица.

¹⁹ Качуча—танец, один из наиболее популярных номеров Эльслер.

²⁰ Дирез Жильбер-Луи—французский певец, тенор (1806—1896).

²¹ Салон г-жи Рекамье давно посещал А. И. Тургенев, который и ввел в него Вяземского.

²² Полуэктовы—вероятно, родственники Вяземского по жене, сестра которой, Любовь Федоровна Гагарина, была замужем за Б. В. Полуэктовым.

3

Paris, $\frac{2 \text{ сент[ября]}}{21 \text{ авг[уста]}}$ 1838 [г.]

[Слово «Paris» написано справа налево и заштриховано]

Надеюсь, что ты разберешь место моего пребывания. Это новый способ чистописания, которое надобно прочесть в зеркале.

Проказы находящегося при мне чиновника по особым поручениям.

Кого например сунул он мне в лон-лакей? Русского солдата, который здесь остался с 1815-го года, и разрусел, но не офранцузился, однакоже сохранил все что есть глупого в русском, глупом от природы. Он в роде тех лакеев и буфетчиков, которых ты имеешь особенный дар отыскивать и нанимать, pour me rendre dur le bonheur de la vie domestique¹. Суди же, каково мне здесь с таким молодцом. Например ехал в Версаль, и проезжая какое-то довольно большое местечко, спрашиваю его о названии, а он отвечает мне: это так-с просто. Я понял его мысль, то-есть он хотел сказать, что это не Sèvre, не St. Cloud и проч. Но пойми и меня! Заехать сюда, чтобы попасть на русские ответы. Проезжая мимо

St. Cloud, начал он мне описывать его: бьют фонтаны даже бесподобно и так далее. Ах, ты бестия! а между тем совестно мне прогнать его. А уж как подает мне одеваться! Как нижняя губа его отвисала! Невыразимо и невообразимо, особенно когда отвыкнешь от избранных тобою!

На днях пели *Te deum* в церкви *Notre Dame*, король, все семейство, все газетные знаменитости тут были. Л. Веймар дал мне шесть билетов, чтобы выбрать любое место. Ни один не удался. Все было битком набито, и я в десятых рядах никого и ничего не видал. Уж только после видел мельком короля, когда он проезжал в карете и кланялся народу в окошко, и должно отдать справедливость неустрашимости его, довольно высывал голову свою из кареты. Впрочем около кареты телохранителей бездна, и полицейских предосторожностей тьма, как и везде здесь, и гораздо более запретительных мер, нежели у нас: тут не ходи, здесь не ездят, и проч. Одно возбудило мое особенное внимание: когда король вступил в церковь, раздались крики: *Chapeaux bas, chapeaux bas!*² Следовательно, в церкви были люди и в шляпах, и никто не заботился о уважении к хозяину дома, а только о уважении к гостю. Следовательно, здесь все-таки более монархического, нежели религиозного чувства. Правда, и то, что вероятно одна полиция кричала: *Chapeaux bas!* — Радостные крики были довольно умеренны, и только в некоторых правительственных журналах отзывались на другое утро громогласно.

Оттуда по соседству зашли мы *à la Morgue*³. Грешно жаловаться в этом случае на титулярного советника, но и тут сделал он свое дело: ни одного тела не было налицо и следовательно не мог я поверить описание *J. Janin в Âne mort et la femme guillotinée*⁴, и не стоило мне ходить туда.

А это например каково? Хоть дать тебе целый год отгадывать, не отгадаешь ты, какие первые лица попались мне здесь навстречу: твой цветочный маляр, и этот шут музыкант, что жил в Варшаве у Левицких и разыгрывал с Новосильцевым⁵ *à quatre mains*. Все это меня бесит, и подливает желчь в чашу здешнего упоения. Во мне я занимает более места, нежели в ком-нибудь. Мой внутренний мир так чувствителен, чуток, похотлив, раздражителен, что внешний мир со всем могуществом своих впечатлений, не всегда может пересилить его. Корми хоть птичьим творогом, но если попал волос в горло, то все-таки будет тошно. Посади на престол, но если неравно булавка попадет между подштанниками и сидячею частью тела, то не усидишь и на престоле. То-есть, разумеется, булавка острым концом в тело, как мастерски умеет припиливать ее мой титулярный советник, когда захочет выслужиться.

В Версаль прислал он меня в день, когда никого не впускают во дворец. Но Вернет⁶ выручил меня из беды, дал письмо к королевскому архитектору [одно слово нрзб.] (которого жена воспитывалась вместе с в. к. Еленой Пав[ловною]) и я, хоть бегло, но обозрел главное.

Вернет пишет огромную картину взятие Константина, в знаменитой зале *du jeu de reame*.

Версаль великолепен и вообще все, что я видел из окрестностей здешних, очень красиво. Берега Сейны живописны, светлы, хорошо обстроены.

¹ Чтобы отравить мне счастье домашней жизни.

² Шляпу долой! Шляпу долой!

³ В морг.

⁴ «Мертвый осел и казненная женщина» — роман Жюль Жанена.

⁵ Новосильцев Николай Николаевич (1766—1838) — ближайшее начальство Вяземского во время его службы в Варшаве в 1817—1821 гг. (вице-президент совета управления Варшавского герцогства).

⁶ Вернет (Vernet) — французский художник Орас Верне (1789—1863), автор батальных и исторических картин. Вяземский познакомился с ним в Риме в 1834 г. и виделся позднее в Петербурге, куда Верне приезжал летом 1836 г. В альбоме Вяземского (ГАФКЭ) сохранилась записка к нему Ораса Верне, факсимиле которой мы здесь воспроизводим.

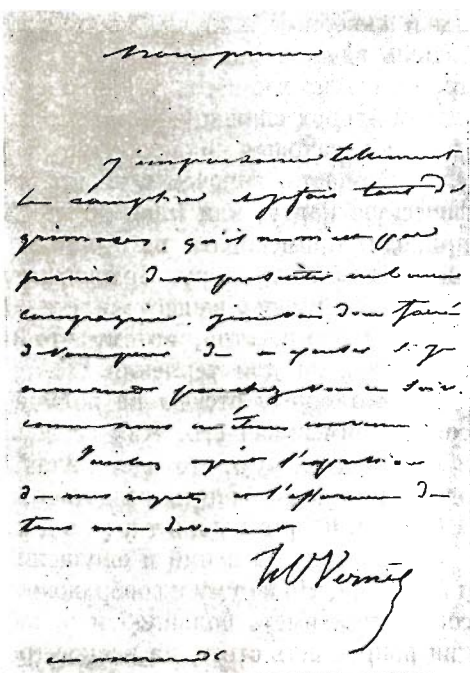
4

3 сентября н. с. [1838 г.]

Я был у M-me Récamier. Милая, приветливая старушка. Встретил там Шатобриана и Балланша¹. Шатобриан не носит на себе вывески своей, что-то похожее на какого-то Хилкова, которого я где-то встречал, кажется отец Щербатовой. Разговор был довольно посредственный, *point de mots à citer*². Вероятно мое чужое лицо мешало.

M-me Récamier кланяется Андрею Карамзину³ и сказала мне: *se jeune homme nous a beaucoup intéressé*⁴. Дайте скорее стакан воды Софии Николаевне⁵. Кровь в голову ударила. Был я у моего и пушкинского любимого поэта: Alfred Musset. Кажется, добрый малый и не избалован. Поклонение мое было ему приятно и лестно, особенно когда стал я ему читать наизусть стихи его. Здешние авторы друг с другом не знакомы. Все разделены на шайки и на журнальные артели.

Вечером в опере: дают новую оперу *Benvenuto Cellini*, музыка Берлиоза, который пишет музыкальные фельетоны в *Journal des Débats*. Я слышал несколько сцен из сей оперы на репетиции. Скажи Одоевскому⁶, что вероятно она ему понравилась бы, а заключаю я это из того, что она должна походить на Жизнь за царя, потому что мне показалась она довольно скучна. Много шума и вероятно ученого, но сердца ни чуть не шевелит, и ничего не наигрывает на наши неученые уши. Здешние обеды вовсе

АВТОГРАФ ПИСЬМА ОРАСА ВЕРНЕ
К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Архив феодально-крепостнической эпохи,
Москва

не совместны с спектаклем. Садись за стол в 7-м, а иногда и в 8-м часу, а тут и спектакль начинается. Вообще мало времени в здешних сутках, да и всей природы человеческой мало: куда здесь с одним желудком, с одною головою, двумя глазами, двумя ногами и так далее. Это хорошо для Тамбова: а здесь с таким капиталом жить нельзя. Вчера чета л. веймарская⁷ в своей щегольской коляске заезжала за мною и ездили мы в St. Cloud, где играли воды. Великолепности нет, но очень мило, и падение вод красивое, все в зелени, народа много и тень Наполеона тут шатается и толкает вас воспоминаниями, которые не хуже версальских, или по крайней мере не жиже. Если Людовик XIV мог сказать: *l'état c'est moi*, Наполеон имел на веку своем дни, в которые мог сказать: *le monde c'est moi*⁸. Из St. Cloud повезли они меня обедать к Вери, лучшая здесь ресторация. Устрицы свежие, как мать их родила. Вообще здесь царство объедения. На каждом шагу хотелось бы что-нибудь съесть. Эти лавки, где продаются фрукты, рыба, орошаемая ежеминутно чистою водою, бьющею из маленьких фонтанов, вся эта поэзия материальности удивительно привлекательна. Между тем тут же вонь, улицы как трактирный нужник, и много шатающейся гадости в грязных блузах. Живи и жить давай другим. Требование отменной чистоты везде и всегда есть также деспотизм. На чистоту надобно много издерживать времени, а время здесь дорого, дороже нежели где-нибудь. Из общих и главных вольностей здешней конституционной жизни замечательны две: кури на улицах сколько хочешь, и . . . где попадетсЯ. И то и другое имеет свою приятность и я ими пользуюсь. Разве это не стеснение естественных нужд человека, когда например, как в Петербурге, хоть лопни, а не найдешь нигде гостеприимного угла для изливания потаенной скорби.

Что мне здесь не нравится:

бороду долго бреют и намыливают губы, белый хлеб не хорош, худо испечен, а местами прожоген, да и пресен, т. е. *fade*. Мороженое снеговато, знаменитый Тортони не стоит нашего покойного Чернышева—дрожки наши скверный экипаж, но и кабриолеты нехороши, особенно, когда едешь вдвоем, потому что кучер, в синей блузе, или в грязной куртке третсЯ около вас и сидит у вас на коленях—фиакры чище, но едут почти шагом—город слишком велик и разбит и много времени тратишь на разъезды и переходы—никак не могу ориентироваться в здешнем лабиринте, улиц пропасть, впрочем я на это хорош: я никак не могу понять географическую карту, или план дома. Портные здешние мучители. Раз пять приходит примеривать вам платье. Надобно давать им *séance*, как живописцу, или скульптору. Брюлов скорее схватит ваше лицо, нежели здешний портной мерку вашего жилета. Да нет и хорошего портного, да и шьют долго, добросовестно, потому что не хотят сшить кое-как, но тягостно и пилительно для терпения.

Вероятно уеду отсюда не получив заказанного платья, хотя три утра сряду примеривал его. Как зазвонит в дверях колокольчик, так дрожь и берет меня: чую, что идет палач. Надобно раздеться, чтобы примерно одеться, и потом опять раздеться.

Общий результат здешней недели.

По итогу впечатлений и ощущений я далеко не обворожен, хотя многое и нравится. Но по уму и соображениям полагаю, что здешнее житье должно современем иметь большую и непобедимую прелесть привычки. На всякий вопрос есть ответ, на всякое требование удовлетворение. Чувствуешь,

ИЗ ПАРИЖСКИХ ЗАРИСОВОК

П. И. ЧЕЛИЩЕВА, 1839 г.

Литературный музей, Москва

что здесь можно жить как хочешь. Это петербургский английский магазин образованной жизни. Чего хочешь, того просишь, даже уединения, тишины: и это найдешь. В маленьких городах, *ou peut-être petite ville quoique grande capitale*⁹, труднее сосредоточиться в себе самом, или в тесном круге. Мимотекущие и мимоидущие задевают вас, как ни жмись к стенке. Здесь много проселочных больших дорог: там все столбовые дороги. Все это мои догадки, потому что бешеная, угорелая, собачья жизнь путешественника, который на несколько дней заброшен в этот кипучий котел, не дает времени размышлению. Повторяю: путешественник благоразумный и независимый должен решиться ничего не видеть, т. е. не кидаться по пятам глупого лон-лакея на все что ему велят смотреть в силу *de guide du voyageur*¹⁰. Главное на первой поре напиться окружающею атмосферою, и ждать впечатлений: они сами придут, и тогда милости просим! Все готово в вас к принятию их, они чередуются и каждое оставляет след по себе, и четкими буквами записывается в вашем внимании. А если пуститься напролом в их толпу, то вместо ясных следов вынесешь только из этой суматохи боевые знаки: шишки на память, синие пятна и расквашенную рожу.

Пантеон здание прекрасное, но пустое, бесполезное, ждет жильцов и не дожидется. Кто определит кого принять за *grand homme*?¹¹ Наполеон, чтобы населить эту пустыню, декретировал *que tous les sénateurs étaient des grands hommes*¹², и большая часть населения обязана сенату. Солдат, который водил нас по храму, указывая на гробницу Руссо, сказал наизусть: *ici repose l'homme de la nature et de la vérité*¹³. Подобный храм в наше время есть анахронизм. В век христианский смерть освящается одною религиею, и гробницы в храме, не ей воздвигнутом, не что иное как журнальные статьи, *qui n'ont pas de lendemain*, не только d'immor-

talité¹⁴. Придут новые господа, новый порядок и все это бессмертие вон, как уже и было.

L'arc de triomphe¹⁵ едва ли не лучшее здание, но и тут trop d'individualité, d'actualité, trop de noms propres¹⁶, которые время может вымарать не завтра, так через год.

Обнимаю вас—я послал тебе Charivari et Corsaire¹⁷.

¹ Ballanche Пьер-Симон (1776—1847)—французский писатель, автор ряда историко-философских и религиозно-философских сочинений.

² Нет ничего, что стоило бы передавать.

³ А. Н. Карамзин (1814—1854)—сын историка, путешествовал по Европе и жил в Париже в 1836 г.

⁴ Этот молодой человек нас очень интересовал.

⁵ Карамзиной (1802—1856)—сестре А. Н. Карамзина.

⁶ Владимиру Федоровичу.

⁷ Чета л. веймарская—т. е. Лева-Веймар и его жена.

⁸ «Государство—это я» и «Мир—это я».

⁹ Или, может быть, в маленьком городе, хотя и в большой столице.

¹⁰ Путеводителя.

¹¹ Великого человека.

¹² Что все сенаторы были великими людьми.

¹³ Здесь покоится человек природы и истины.

¹⁴ Которые не имеют завтрашнего дня, не только бессмертия.

¹⁵ Триумфальная арка.

¹⁶ Слишком много личности, современности, слишком много собственных имен.

¹⁷ «Charivari» и «Corsaire»—названия известных сатирико-юмористических журналов.

5

19 ноября 1838 г.

...Чтобы ты поняла отчего не могу так скоро отделаться от Парижа, расскажу тебе мой вчерашний день: утром чтение у M-me Récamier des mémoires inédits de Chateaubriand¹, и Шатобриан со мною кокетничает, и извиняется и совестится, что чтение, то-есть читанный отрывок не довольно интересен. После обеда получаю записочку от к. Ливен², которая приглашает меня к себе и знакомит с Гизо et une conversation d'une heure à nous trois³. Вечером упоительная Фанни Ельслер и сумасводительная качуча. Третьего дня дон Giovanni—Рубини⁴, Гризи, Тамбурины-Лаблаш. Завтра Норма⁵. Нельзя хотя не поотведать того и другого и третьего. Вечером сегодня был я à la Comédie Française. Молодая жидовка Rachel воскресила Расина-Корнелия, qu'on va voir comme une nouveauté⁶. Давали Cinna⁷. Роль ее малозначительная, но видно, что она с большим талантом. Прочие актеры смешны до крайности: французские хрипуны.

¹ У г-жи Рекамье неизданных мемуаров Шатобриана.

² Кн. Ливен Дарья Христофоровна (1786—1857), урожд. Бенкендорф,—сестра шефа жандармов.

³ И часовая беседа между нами тремя.

В альбоме Вяземского (ГАФКЭ) сохранилось следующее письмо к нему Гизо:

Je serois charmé de procurer à Monsieur le Prince Wiasemski le billet qu'il désire. Mais j'ai l'honneur de prévenir qu'il n'y aura point de séance royale. Le Roi n'ouvrira point la session en personne. Ainsi, nul discours de la couronne, et nulle cérémonie particulière.

Je prie Monsieur le Prince Wiasemski de vouloir bien agréer l'hommage de ma considération la plus distinguée.

Mardi, 2 avril 1839.

Guizot

Адрес: Monsieur le Prince Wiasemski
Rue St. Honoré 366.

Перевод:

Я был бы счастлив предоставить князю Вяземскому билет, который он хотел иметь. Но, однако, должен предупредить его, что королевского выступления не будет. Король лично не откроет сессии. Итак, никакой королевской речи и никаких особых церемоний. Я прошу князя Вяземского принять уверение в моем совершенном уважении.

Вторник, 2 апреля 1839.

Гизо

Адрес: Князю Вяземскому
ул. св. Оноре, 366.

⁴ Опера «Дон Жуан» Моцарта.

⁵ Опера Беллини, 1831 г.

⁶ Которых идут смотреть, как новинку.

⁷ «Цинна»—трагедия Корнеля, 1639 г.

6

29 ноября 1838 г.

... Теперь могу с спокойной совестью оставить Париж; ибо видел émeute, не большую, а порядочную. Студенты не дали профессору Lermnier¹ (который из либералов передал себя министерству) начать свой курс, шукали, ревели, кидали ему медные гроши, говоря: *puisque c'est de l'argent que tu veux, en voilà!*² Но всего забавнее, что я наконец очутился с ним в комнате, которую заперли, чтобы спасти его от поруганий толпы, и видя, что он выскочил в окно, *qui était de plein-pied*³, должен был так же последовать его примеру, чтобы не быть за него ответчиком.

Если в. к.⁴ не получает Шаривари, покажи ему эти листики, которыми честят Парижского графа. Наглость ни на что не похожая, да и бессовестность. Все-таки герцогиня Орлеанская женщина и мать⁵. А смешно! По-сылаю и Корсара. Здешные сердятся на это графство и находят тут политическое намерение мало по малу возвратиться к старому порядку. Да ведь надобно же было как-нибудь да окрестить его? Вообще рождение произвело мало впечатления. Где же здесь думать о третьем поколении? Мало ли, что еще быть может и при двух уже существующих. Если нынешний порядок устоит при нынешнем, да еще при сыне, то дело в шляпе или в короне. Здесь не до внуков, здесь день мой—век мой.

¹ Мятёж, бунт.

Л е р м и н ь е Эжен (1803—1857)—литератор и профессор. С 1830 г. читал в Коллеж де Франс курс сравнительного права и пользовался большой симпатией слушателей за свои либеральные взгляды. Своим переходом в ряды сторонников правительства Лерминье настолько дискредитировал себя в глазах студентов, что вынужден был в 1839 г. покинуть кафедру.

² Так как ты хочешь денег, вот тебе!

³ Которое было на уровне земли.

⁴ в. к.—великий князь Михаил Павлович.

⁵ Г е р ц о г и н я О р л е а н с к а я—жена старшего сына короля Луи-Филиппа, принцесса Мекленбургская, мать только что родившегося внука короля, которому дан был титул графа Парижского.

7

8 февраля 1839 г.

Погода преподлейшая, день темный, сырой, и мокрою тряпкою лежит на душе. Да к тому же и твои письма не светлы. Все это из меня делает что-то довольно скучное. Одна италиянская опера меня электризирует. Вчера давали *Puritani*¹. Так и хотелось бы душу приковать к этим звукам. Голос Леблаша как божий гром перекачивается. Рубини, Гризи, не знаю чему их приравнять, но когда они поют, и душа поет, теплится, благоухает, плачет, а ушки смеются. Только и хорошего здесь, что они. Впрочем, я никого и не знаю. Знакомых не видал, а с новыми знакомиться

не тянет. Завтра на бале у Стакельберг увидим весь бомонд. Посмотрим. Палаты закрыты, следовательно одним спектаклем, утренним спектаклем, менее. О закрытии палат много толков и суждений. Некоторые думают, что новая палата будет еще недоброжелательнее для правительства. Но во всяком случае, по моему мнению, правительству другой меры не предстояло. Оно поступило законно и даже добросовестно. Нельзя же было королю выбрать новое министерство в мнениях палаты, разбитой на несколько шаяк, соединившихся для ниспровержения, но без единодушия и без единогласия для созидания. Одна надежда, что весь этот кипиток в одном Париже и то в нескольких верхушках и вертушках, но что Франция желает спокойствия и будет уметь благоразумными выборами отклонить предстоящую грозу. Во всяком случае король еще успеет поддаться левой стороне, если выборы будут в ее пользу. От всей этой каши тошнит.

Между тем все идет по обыкновенному порядку. Карнавал бесится: ночью по улицам такой шум, вой, что подумаешь, не . . . глориозные затеиваются? Нет, ничуть. Маски изволят забавляться. В домах по несколько балов в вечер. Театры битком набиты. Когда эти дьяволы успевают бунтовать, помышлять о ниспровержении престолов, и ставить все вверх дном.

¹ Опера «Пуритане» Беллини, 1834 г.

8

25 февраля [1839 г.]

О здешней жизни сказать нового нечего. Но вы, ради бога, не говорите Смирнихе¹, что я так фонвизинствую. Она сейчас запоем «Тебе бога хвалим!» и наша взяла. Дело в том, что я все-таки не согласен во многом с нею, и что я более прежнего *du juste milieu*. Он один прав, а все прочее дрянь, или безумие. Впрочем по всем предположениям значительной перемены в ходе дел от новых выборов не будет и выборы останутся в том же смысле. Это сказали мне и люди правительственные и Гизо, который кажется раскаивается и по крайней мере совестится, что заварил подобную кашу и имеет нужду оправдываться.

¹ А. О. Смирновой — урожд. Россет. Отрицательные отзывы свои о Париже Вяземский сравнивает с отрицательными, часто бранными отзывами в «Письмах из путешествия» Фонвизина, бывшего в Париже в 1778 г. Вяземский вспоминает о спорах с консервативно настроенной Смирновой и, отгораживаясь от единомыслия с нею, настаивает на том, что он сторонник *«juste milieu»* — «золотой середины», которую отстаивали Гизо и партия так называемых доктринеров.

9

Париж — (Puisqu'il faut bien l'appeler par son nom¹)

28/16 февр[аля] [1839 г.]

Вчера минуло месяц, что мы здесь, и за исключением нескольких дней, что я был жертвою пиявок, вот более трех недель, что я верчусь в здешнем мире. Но со всем тем я не впиваюсь еще пиявкой в здешние соблазны, напротив, каждый день отбивает мою жажду. От чего это? Трудно решить эту физиологическую и психологическую задачу. Кто тут виноват? Я ли? Париж ли? Вероятно, оба. Я от того, что слишком стар, слишком исключителен, слишком *ц е л е н*. Если в чем-нибудь что-нибудь одно мне очень не нравится, если какое-нибудь из внутренних, из коренных моих убеждений оскорблено, обмануто, то я противлюсь, запираюсь наглухо от всех

других впечатлений, et je boude². Здесь, где политика во все вмешивается, одна из главных стихий окружающей вас атмосферы и входит во все поры ваши умственные и сердечные, нельзя с моим расположением оставаться нейтральным, особенно в настоящую минуту, где все приняло новое движение. Возникший здесь процесс огадил мне французов, и эта тошнота разлилась на все. Личное честолюбие некоторых и безумие, или легко-

ГИЗО
Миниатюра на кости работы Поля Делароша, 1837 г.
Эрмитаж, Ленинград

мыслие почти общее навели на меня уныние, ибо я еще был верующий. Даже и замечательные лица потеряли для меня весь свой интерес, ибо я им уже не верю.

Что скажут мне они нового, какими убеждениями проникнут они меня, когда уже оголились они предо мною в действиях своих? Что нового узнаю я от Гизо о Гизо, когда я читал, что он говорил и писал, и вижу, что он делает? Знаю, что он будет лгать предо мною, как лжет перед Франциею и перед светом, и вероятно перед собою, себя обманывая и закрывая глаза,

чтобы не видеть куда он идет, ибо Гизо не разрушителен по побуждению, но только по самолюбию, и на время, надеясь на себя и на свои силы и думая, что когда власть попадется ему в руки, он сумеет и сможет восстановить то, что он ныне колеблет. Я был у него, и он в нескольких словах резюмировал мне то, что говорил в палате и после писал, имея нужду оправдываться не только перед всемирным трибуналом, но и частно. Он говорил мне, что всей этой передраге придают излишнюю важность, что это дело совершенно домашнее, что в представительном правлении равновесие властей должно быть в строгой и совершенной соразмерности, для полного развития каждой власти отдельно и для правильного и совокупного действия соединенных властей, что по его убеждению нынешнее министерство излишне нагружает правительственную власть, ослабляя другое начало, и что для восстановления равновесия и вследствие того благоразумного укрепления самой царской власти, должно было вооружиться против министерства. Разумеется, отвечать мне ему было нечего. Слушаюсь, да и только. Нечего было мне говорить ему, что монархия июльская, за которую он, однако же, стоит, не довольно еще оселась и раздобрела, чтобы можно было поминутно в глазах ее внутренних противников легитимистов, республиканцев и наполеонистов и в глазах недоброжелательной к ней Европы ажитировать вопросы, которые более или менее касаются до самого ее существования. Нечего было ему сказывать, что по моему похожи они на диких, о коих говорит Монтескье, подрубающих дерево, чтобы сорвать плод, а они подрубают, чтобы очистить от некоторых сухих ветвей.

Третьего дня был я у Тьера³—и салон его и разговор собеседников напомнил мне литературные вечера Воейкова, в которых все время проходит в сплетнях о Грече, Булгарине, Полевом. Тут ни слова о литературе, здесь ни слова о Франции, о государственных началах, о нравственной политике, а сплетни о министрах и своих противниках. Видишь, что дело идет не о убеждениях совести и ума, а только о лицах. Теща Тьер, рыба чка настоящая, *poissarde*⁴, кричит и ругает противников зятя своего. Но дом их прекрасен, что-то италийское в наружности, с садом, двором, устланном по сторонам зеленым дерном. Самый дом на площади St. George, перед фонтаном. Тьер не велик ростом, что-то вроде Нессельрода⁵, в очках, голос несколько писклявый, что-то мещанское, чиновническое в ухватках, хотя с примесью заемного барства, впрочем довольно внимателен и учтив. Они в таком чаду и умнейшие из французов так привыкли судить все поверхностно и по некоторым внешностям и опухлостям, что и Тьер по поводу ночных заседаний английского парламента серьезно говорил мне, что вероятно войдут они скоро в употребление и во Франции, ибо с каждым днем умножается и утверждается сходство между обоими государствами. И это говорит член и один из предводителей коалиции, которая никогда не могла бы устроиться в Англии по несбыточности своей, по безнравственности и по бесприличности. Здесь переняли английское представительное правление точно так же, как переняли английский романтизм. Тьеры, Гарнье-Пажесы⁶ точно такие же конституционалисты, как В. Гюго, Дюма, Шекспиристы. Присвоили себе неограниченную свободу все говорить, все писать, не уважать ни единством времени, ни единством истины и святости некоторых начал, которые везде и всегда должны пребыть ненарушими, присвоили себе в ы р а ж е н и е, но не присвоили с м ы с л а, и думают, что они сравня-

лись с англичанами, и еще превзошли их, ибо преувеличили и сбили до нельзя некоторые их крайности. Тут же Мериме (автор de la double méprise et de Clare Gazul) ратовал, как ужасно действие Сальванда⁷, министра просвещения, что он предлагал пристроить к университетскому зданию концертную залу, et une chapelle!⁸ и все слушатели ахали от удивления и ужаса, и говорили, что Сальванди безумец. Пожалуй, еще зала концертная дело, может быть, лишнее, но что же мудреного и непостижимого в том, что в христианском государстве думают построить церковь. И при таких понятиях они полагают, что Франция с каждым днем более и более сливается с Англиею, в которой стихия монархическая и стихия религиозная так же сильны, как и стихия свободы. Скажите Соболевскому⁹, что приятель его Мериме должен быть подляшка; я видел его и у Л. Веймара и у Тьера, и каждой партии подслуживается он, принося ей на жертву другую. Одно из главных бедствий здесь это могущество грамотности и пера. Кто пишет и пишет хорошо, тот уже признает себя способным быть государственным человеком и лезет в депутаты, чтобы попасть в министры. Таким образом всякое правило благоразумное в некотором отношении, в известных пределах, здесь обращается во зло неуместным применением и безграничным расширением. Оттого французы испортили много хорошего: представительство, свободу печатания, самый романтизм. Все они пересолили, и перебагрили кровью, расшибая лоб себе и другим излишним усердием. Разумеется, безграмотность и невежество должны быть преградами к почетным местам, но из того не следует, чтобы дар слова и дар пера, чтобы каждый красноречивый и каждый журналист имели право управлять государством. Все понятия сбиты с места. Давайте пищу и действие всем *saracités*¹⁰, это необходимо, но смешно думать, что всякая *saracité*, всякая специальность на все годится. Здесь, например, скульптор Давид¹¹ влюблен не в Галатею¹², а в депутат-

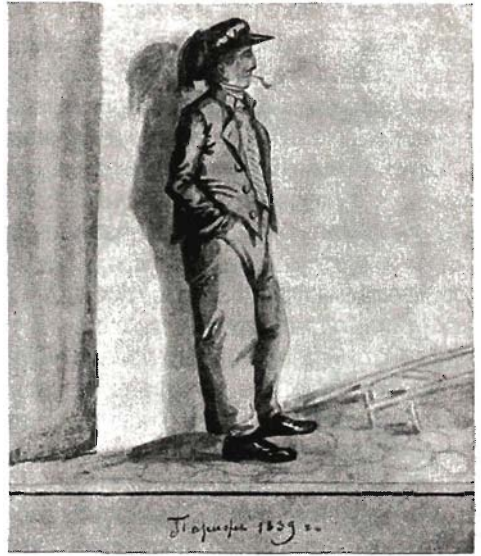
ИЗ ПАРИЖСКИХ ЗАРИСОВОК
П. И. ЧЕЛИЩЕВА, 1840 г.
Литературный музей, Москва

ство, спит и видит, как попасть в палату и попадет. Другое здешнее бедствие, это способность, с которой французы составляют ярлычки, как например *les doctrinaires*, или *le roi règne et ne gouverne pas*¹³ и тысячу других. Выставят такой ярлык и пойдут толки, споры, прения, междоусобия. О деле, о Франции нет уже и в помине: готовы все поставить вверх дном, затеять новую революцию, чтобы оправдать свой, или оборвать чужой ярлык. Например, ныне без этого ярлыка *le roi règne et ne gouverne pas* никак нельзя было бы поднять всю эту передрягу, ибо в существе дело и вообще положение Франции ни в чем не изменилось. Молé точно то же делал, что Тьер и Гизо, когда они были министрами. Дух тот же, материально Франция процветает, следовательно фактами нельзя никак оправдать необходимость или даже пользу этого ополчения против министерства. Но пустили в народ ярлык, и теперь готовы драться за него. По всему более и более убеждаюсь, что представительное правление не годится для французов. Они не умеют обходиться с свободой: свобода должна быть религия, а французы или фанатики, или кошуны. Французы болтуны и краснобаи: трибуна для них театр, а не судилище, не святилище. Из представительного правления взяли они одну театральную, декорационную представительность. Это тоже род ярлыка на пустой склянке. Да и посмотрите, когда Франция была сильна и опасна Европе? Всегда в руках деспотизма: при Людовике XIV, во времена *terreur*¹⁴, и при Наполеоне. И теперь она может быть опасна для Европы, подобно больнице, в которой содержатся бешеные без присмотра: они могут разбежаться и наделать много шума и бед, но скоро сами перебесятся и перепедают в изнеможении. Нельзя предвидеть, чем все это кончится, но так устоять не может. Разрешение задачи, предлагаемое республиканцами или легитимистами, равно безнадежно и не прочно. Если французы неспособны к представительной монархии, то еще менее способны они к республике, если республика посреди Европы и дело сбыточное, чему не верю: новая ресторация¹⁵ тем же кончится, чем первая и вторая. В нынешних обстоятельствах то, что есть, было бы лучшим умирительным средством, но и оно не довольно действительно. После революции, после Наполеона Франции нельзя возвратиться к тому же и сознаться, что она попустому проливала кровь свою, бесилась и страдала четверть века. Старшая ветвь¹⁶, как ни прививай ее, чужими ли штыками, вандейскими ли кинжалами, но срастись с Францией уже не может. Это мое убеждение. К тому же и ветвь бесплодная, гнилая, отжившая свою пору. Разумеется будь Гейнрик 5-й другой Наполеон, то можно ему будет овладеть Францией, но *par droit de conquête, et non par droit de naissance*¹⁷. Казалось бы, что Франция могла сказать о Филиппе¹⁸, что Вольтер сказал о божестве: *Si Dieu n'existait pas il faudrait l'inventer*¹⁹. В нем сливались два противоположные начала, в нем воплощались революция и монархия, с ним и овцы были целы и волки сыты. Монархическая Европа могла видеть в июльской революции домашний переворот, *une question de nom propre et non de principe*²⁰, то, что, впрочем, виделось и не во Франции: самохвальство французов утешалось тем, что они на своем поставили, и сделали *après coup*²¹ то, что в праве были сделать прежде, ибо нет сомнения, что после падения Наполеона, если *le gouvernement provisoire*²² вместо Людвига XVIII предложил бы *Louis-Philippe*, то союзники не стали бы спорить, ибо о Бурбонах не смели они и думать, и очень были бы рады этому разрешению трудной задачи: кого посадить

ИЗ ПАРИЖСКИХ ЗАРИСОВОК

П. И. ЧЕЛИЩЕВА, 1839 г.

Литературный музей, Москва

на престол. Вот на что не довольно обратили внимание европейские державы, недоброжелательные июльской революции: *elles l'ont prise trop au sérieux*²³. Это было дело совершенно домашнее, неблагоприятное, неблагоприятное, согласен, но зная французов, должно было сказать им спасибо, и за то, что они не сделали хуже. Теперь, может быть, сделают хуже и Европе нужно будет вмешаться, и силою войти в общее тревожение. Новому правительству должно было дать руку помощи, *pour ses beaux yeux*²⁴, но для собственной пользы, ибо в лице Филиппа, как ни называй его *usurpateur*²⁵, но все-таки сосредоточилось правило монархическое, хотя несколько искаженное, но еще довольно могущее. Оттого и устремлены были на него кинжалы цареубийц, ибо знали что, убивая в нем представителя монархического правила, ранят одним ударом и других представителей. Филипп, окруженный и подкрепленный доверием и уважением Европы, то-есть не он, а трон его, был бы более уважен и во Франции, и не столь доступен покушениям вандейским и республиканским. Сентиментальная политика никуда не годится: в ней может быть почтенное добродушие, но нет предусмотрительности, нет той благоразумной уступчивости, которою умиряются, обезоруживаются и нейтрализуются обстоятельства.

Думать, что Франция с потрясенными своими понятиями, с искоренением всех возможных правил и преданий, вырванных из почвы кровавыми бурями, может приютиться и притихнуть под сенью абстракции о *légitimité*, или *du droit divin*²⁶, она, которая не признает никакой законности, кроме положительной, и мало верит в бога, оставляя его в покое, только с тем, чтобы и он не вмешивался в чужие дела, так думать, значит не знать Франции и мечтать о золотом веке, когда чугунный век так и несется по железной дороге и мнет и сокрушает все, что ему навстречу ни попадает.

Вот вам политическая физиономия Парижа: она мне не по нутру. Теперь посмотрим на общежительную, на социальную. Во-первых, отделить ее совершенно, или даже несколько значительно, от другой здесь невозможно: это два сросшиеся сиамца. Здешные салоны мне не нравятся. В них

мало приветливости. Все так сыты до пресыщения, до удушья, что нужно разве много времени, или особенный случай, чтобы залакомить собою. Общества все очень многолюдны и народ все кочующий из одного салона в другой: это непрерывная ярмонка. Учивая хозяйка, например, *duchesse de Bozan*, скажет каждому слов пять приветливых, и только: другие и того не скажут—поклонятся, да и полно. Все приезжают на 10 минут, ибо в один вечер надобно перебивать в трех и более домах. Хорошо, когда уже сроднишься с общим разговором, то успеешь и налету поменяться словами, которые в связи с предыдущими и с последующими, но чужому, постороннему что сказать тут при этой вечной передвижке, кроме пошлых слов обрядного пустословия? Балы? Признаюсь, не нахожу в них ничего особенно блистательного. Кроме балов Стакельберга, американца Торна, которые имеют что-то праздничное, ибо покои просторны, другие балы толкотня, в которых только и видишь фрачные или голые спины стоящих перед тобою. Голые спины, еще не худо, были бы хороши, но право очень мало красивых спин и красивых лиц, удивительно мало, особенно же мало стройных, элегантных (т. е. от природы) женщин, мало блистательных, воздушных, поэтических или разительных красавиц. Все лучшие иностранки: англичанка Дорсе, испанка Алканизес, италиянка *Belgioso*, нечто в роде привидения, прозрачная, луноватая, но ярко отмеченная живыми черными глазами и особенным выражением, еще несколько англичанок и только. Из здешних более всех мне нравится герцогиня Валоμβрез. Глаза прекрасные, но нет талии. Вообще в физиономии здешнего общества нет ничего привлекательного, нет этой *aureole du bon goût, d'élégance, du comme il faut*²⁷, которую я думал найти. Все это вроде *M-me Nervo*. Наружность и обхождение мужчин—хотя красавцев гораздо более нежели красавиц—грубы, неловки и пошлы. Или бородачи на распашку, или затянутые купчики в воскресный день. Борода небритая пробивается не только на лице, но и во всем. Толкаются, ходят по ногам, только что не по голове, и заботы нет. Если вы услышите: *excusez*²⁸, то знайте, что это иностранец. Между тем это движение непрерывное, но без цели, без души, становится скоро утомительно. В молодости может оно быть увлекательно, но на меня оно наводит уныние и какое-то оцепенение, любопытство же мое слабо возбуждено этим зрелищем, ибо после Италии, Неаполя и Лондона оно для меня не ново. Вообще Париж живет, я думаю, несколько еще и старою славою своею. Хотя французы и говорят: *il n'y a qu'un Paris au monde*²⁹, но не надобно забывать, что в отношении многолюдства, общежительной деятельности, роскоши пособий, другие столицы также много приобрели, и ныне несоразмерность между ними и Парижем не столько ощутительна, как прежде. Париж уже не представляет совершенно новой физиономии. Не говоря уже о Лондоне, который гораздо выше Парижа, но и все другие столицы подросли к нему хоть по плечу. Главная неотъемлемая прелесть здесь спектакли, а особенно же для меня Итальянская опера, которая также не коренная, а заезжая красавица, в которую я так влюблен, что готов бы следовать за нею на край света, хоть в Камчатку; она украсила бы для меня и Камчатку. И еще Фанни Ельслер, также, слава богу, не француженка. Стало, могу без неблагодарности, ругать Францию сколько душе угодно. К счастью моему и герцогиня Валоμβрез принадлежит Италии. На совести моей никого и ничего не осталось французского. Войти в приятные сношения с литераторами очень трудно и почти невозможно, во-первых

потому, что здесь нет литературной жизни и нет сношений между литераторами. Они чужды друг другу, а если не чужды, то как кошки с собаками. Надо самому их отыскивать по углам. Некоторые мелкотравчатые знают между собою, но бог с ними, а верхушки все живут каждая особняком. Доселе познакомился я покороче и полюбил Alfred Musset и St. Beuve. Особенно последний добросовестный литератор, художник в душе и очень приятного обхождения. Другой моложе и, кажется, разгульнее, следовательно труднее уловить его. Ламартин занимается теперь литературою из милости. Я был у него и наружностью своею он мне понравился. На днях я должен познакомиться с Нодье, который, говорят, очень приятен.

Что же остается еще? Уличная, бродяжная фланерная жизнь, которая здесь имеет свою прелесть, но при известном расположении духа, которого во мне теперь как-то нет. Для этого нужна и хорошая погода, а во все это время была пакостная, нужно и какое-то благоволение к земле и к народу, по которой и между которым ходишь, а я имею какую-то досаду, дуюсь на все и на всех. Меня бесит, что встречаю французов, в каждом лице думаю видеть члена коалиции и каждому хочется мне сказать: свинья, или подлец, или безумец. Хороша здесь б о н-ш е р, но кроме того что она ш е р а³⁰, мне еще и глаза мои ш е р ы, и поневоле должен я воздерживаться. На улице красивых хорошеньких женщин очень мало, этих картинных гризеток нет, следовательно глазам заглядываться нечего. Я не встречал еще ни одной женщины, с которою весело было бы в другой раз встретиться. Владыко ли живота моего ограждает меня ангелом целомудрия от соблазнов, или просто состарившийся мой живот мешает глазам моим хорошо вглядываться, но оно так. Здешняя толпа при всей живости своей не имеет ничего увлекательного, *ce n'est pas une vivacité intelligente*³¹, нет в ней добродушия, добросовестности немецкой, нет поэтической яркости италийской. Что-то тупое, бессмысленное, макинальное, ни дать, ни взять то, что наша толпа. Разумеется, здесь более движения нежели у нас и движения постоянного, непрерывного и общего, но не знаю, как выразить, как объяснить: движение не живое, это метель, рябит в глазах, но не рисуется живописными формами, не дробится, не отсвечивается блистательными отпрысками. Самая буйная веселость здешних публичных маскарадов не имеет убедительной истины: *ce n'est pas du libertinage, c'est une sensualité sauvage*³². Они не оттого неблагопристойны, что слишком веселы, и что веселость их разливается через край, нет, им весело, или любо, что они могут быть неблагопристойны. *Pourvu qu'il y aye de l'excès il leur est égal de pousser à l'excès la saleté, ou le libertinage. Ils aimeroient tout autant faire leur grand besoin en public et au milieu de la salle, qu'autre chose*³³.

2 марта
18 февр[аля]

Довольно ли наблевал я желчи на Париж? Между тем *soyons juste*³⁴, как говорит сестра моей здешней приятельницы, я все-таки питаю какое-то тайное, внутреннее убеждение, что здесь со временем можно ужиться и хорошо устроиться. В противоречие с другими, которые пьянеют от Парижа с первых приемов, мне он не нравится по внешностям своим, по тем впечатлениям, которыми он с первого раза обдаёт ум и сердце, но я угадываю, чувствую, верю верю, что можно отыскать в нем много

хорошего, но не надобно бросаться в поток и плыть с толпою: надобно отыскать другие протоки по своим силам и склонностям. Во-первых, независимость жизни и действий есть большая прелесть; к тому же все под рукою. Чего хочешь, того просишь и найдешь, и одна душа мера. Всякая специальность найдет себе пищи вдоволь. Всего хуже здесь политическая сторона, стихия, а она-то и преобладает всем. Натурально, она и ошибет новичка, с первого раза, и если испарение ему не по нутру, его огадит. Но после опомнишься, и окружишь себя атмосферою более симпатическою. К тому же меня несколько примирили с Парижем сегодня вчерашние письма ваши, доставленные нам Фелькерзамом. Вижу, или лучше сказать вспомнил, что и у вас не все пахнет розами, а разными навозами, и что меня и там кое от чего тошнило. Видно у меня такая природа тошная, тошноватая, et тошнота роиг тошнота не знаю еще которая сноснее.

La duchesse de Bozan, disoit l'autre jour, je viens des bouffons.—Qu'y a-t-on donné?—Othelo³⁵. Вот чем эти сен-жерменские дамы поддерживают святость монархических преданий. Если коалиции гадки, то правая сторона ужасно глупа и смешна. Вы знаете, что в старину Италианскую оперу называли: les bouffons³⁶. Более всех мне здесь нравится comme type du comme il faut³⁷, графиня Аппони, а еще более к. Ливен. Я недавно начал опять ездить к последней, потому что по смерти мужа она не принимала, да и теперь принимает не многих. От этих двух дам только удостоился я знаков приветливости и внимательности, то-есть d'une politesse intentionnée³⁸. От прочих видел я только учтивость банальную, а в наши лета этого не довольно, чтобы залучить. Свечина также очень добра, но не имею времени к ней ездить, и как она ни умна, но меня не очень тянет к ней³⁹. А Тургенев сердится, и не понимает, как могу предпочитать спектакль и les brailleurs italiens⁴⁰ беседе ее. Приедет он оттуда, и говорит мне: как жаль, что тебя не было у Свечиной, elle étoit admirable, elle s'est surpassée.—De quoi a-t-elle donc parlé?—De la sainte Vierge!⁴¹—Да Христос с нею! Что она нового может сказать о богородице, и для того ли приехал я в Париж на несколько недель, чтобы слушать ее акафисты? Но здесь на религию мода, особенно в Сен-Жерменском приходе, et il est de bon ton⁴² говорить несколько слов в пользу богородицы, и называть Отелло и Норму les bouffons. В литературе нет ничего замечательного. Новые романы Gabriel, Gerfaud⁴³ довольно посредственны. Первое сочинение моей приятельницы Ансело, c'est de l'eau⁴⁴. Ethes я не читал, но тоже, говорят, не очень спиртуозно. Ламартин печатает том мелких стихотворений. Не ожидаю чего-нибудь отличного, но все, без сомнения, будет лучше его человеческих поэм, бесчеловечно длинных и скучных⁴⁵. Мало еще знаю маленькие театры. За то матушка ваша купается в них до часу пополночи. Меня более всего влечет и занимает музыка, потому и бываю только в операх италийской и французской всегда с сердечным наслаждением, особенно в италийской. Сегодня услышу в первый раз и к сожалению в последний Somnambula⁴⁶, мою милую и грустную римскую знакомку. Ее не давали еще при мне и не дадут более до закрытия оперы, то-есть до отъезда б у ф о н о в в Лондон. Во французской опере один Дюпре⁴⁷ хорош, но оркестр, хоры и вообще все исполнение превосходно. Был я один раз и в концерте du Conservatoire и вспоминал о Смирнихе, тем более, что сидел может быть на том самом месте, где пупенька ее трепетала и потела от музыкального

удовольствия, ибо я был в киселевской ложе⁴⁸. Давали симфонию Бетховена. Совершенство! Из французских, настоящих буфонов видел я только *Le peintre dans le mari vengé, et Arnel dans les impressions de voyage*⁴⁹. *Le peintre* славная и уморительная карикатура. Но как они не забавны, а забава эта у меня еще впереди, и в Петербурге. Vernet и Paul Minet также очень смешны, а я здесь хочу запастись тем, чего, может быть, уже никогда не удастся мне и отведать. Не только потому, что, может быть, уже не придется быть в Париже и в Лондоне, но и потому, что музыка, то-есть певческая, падает. Нынешние певцы стареют, а подставы не подрастает. Здесь много кричат о Garcia, сестре Малибран, и называют ее *un revenant*, то-есть воскресшею сестрою. Она не пела еще на театре. Я слышал ее в Берлине и во Франкфурте, и признаюсь, не разделяю общих ожиданий и восторга. Все поджидали хорошей погоды и чтобы стало теплее для пилигримства по Парижу и окрестностям. Я уже почти все видел в первые проезды, но надобно показать жене и Надиньке. Между тем время уходит, а я не намерен здесь заживаться и проживаться. Доживем еще весь март, да и полно. С другой стороны жаль, потому что весна здесь лучшая пора. Окрестности парижские мне очень нравятся. Сюда приехала Завадовская. Я еще не встречал ее и не видал носа, который, сказывают, покраснел. Рахманова грудью пробивается во все салоны, а Обрескова . . . Но всех фешенебельнее из русских дам здесь Елим Мещерская⁵⁰ и ею открываются салоны и для Мещерских к. Василия, которого дочка, впрочем, очень мила, и сама по себе, и здесь нравится. Они едут, т. е. Мещерские Basile, на днях, в Италию. Я был с ними недавно

ИЗ ПАРИЖСКИХ ЗАРИСОВОК
П. И. ЧЕЛИЩЕВА, 1840 г.

Литературный музей, Москва

в театре и к. Василий ужасно бушевал с *ouvreuse*. При выходе я взялся было за сюртук, полагая, что мой, но *ouvreuse* говорит мне, non, ce n'est pas le votre, c'est celui de ce M-r qui est si colère¹. Он уморительно смешен. На днях ходил я смотреть M-lle George, но не на сцене, а у нее дома. Я знал ее в Москве, почти лет тридцать тому, то-есть до 12-го года. Точно развалившаяся башня, но есть еще что-то величественное, а на сцене, рассказывают, и напоминающее и древнюю красоту; пойду смотреть ее dans le Manoir de Montlouvier², уродливой драме, которая, уверяют, не без интереса. Она хочет ехать в Петербург. Вы спросите у меня парижские *bons-mots*? Право, нет их, или до меня они не доходят. Je n'ai entendu encore rien de fort spirituel chez la nation la plus spirituelle du monde³, как уверяют французы словесно и письменно. Даже и Charivari притупел, хотя и не прикусил язык, и ругает короля и министров и всех некоалиционных во всю ивановскую. Le bon mot et la repartie sont morts avec Talleyrand⁴. Вот например сегодняшние шутки шариварские: Un proverbe dit: «Comme on fait son lit on se couche». En ce cas le ministère d'avril devra s'endormir dans la fange. Depuis l'avènement de la crise électorale le système (т. е. король) s'ingère à faire peur. Il est assez laid pour cela. A la fin de ce mois les ministres d'avril courent grand risque d'être traités comme vagabonds. Ils n'auront pas de chambre à eux⁵.

Напротив, полагают, что большинство выборов будет в пользу министерства, но маленькое большинство, которое впрочем не разрешит всех затруднений настоящего кризиса. Вчера к. Ливен говорила, что по ее убеждению, через шесть лет не будет представительного правления во Франции. Дай то бог, потому что она не умеет с ним совладеть et qu'elle gâte le métier pour les autres⁶, но не надеюсь на эту хорошую развязку. Французы еще много и долго будут безумствовать и пакостить. Унять же нельзя, car qu'y touche s'y pique⁷, а сами они не уймутся. Разве два-три поколения передержеруют⁸ эту кашу, а не прежде.

¹ Париж (потому что нужно же его назвать своим именем).

² И я сержусь.

³ В 1839 г., когда Вяземский познакомился с Тьером, последний находился в отставке, занимался научной работой, но в то же время руководил оппозицией в парламенте и участвовал в коалиции против министерства Моле.

⁴ Рыбная торговка, грубая, нахальная женщина.

⁵ Нессельроде К. В., граф (1780—1862),—русский канцлер и министр иностранных дел при Николае I.

⁶ Братья Garnier-Pagès Этьен-Жозеф-Луи и Луи-Антуан (1807—1847 и 1803—1878)—французские политические деятели, из которых старший возглавлял республиканскую партию при Луи-Филиппе, а второй был левым депутатом палаты при Луи-Филиппе, членом временного правительства в 1848 г. и автором «Histoire de la révolution de 1848».

⁷ Salvandi Нарцисс-Ахилл, граф (1756—1856),—писатель, историк, министр народного просвещения при Луи-Филиппе.

⁸ И капеллу.

⁹ Соболевский А. С. (1803—1870)—друг Пушкина, был посредником между Мериeme и русской литературой.

¹⁰ Способностям.

¹¹ David d'Angers Пьер (1788—1856)—знаменитый французский скульптор и одновременно политический деятель.

¹² Галатея—мифическая статуя, ожившая, благодаря страстной любви к ней художника.

¹³ Доктринерами именовались сторонники партии правого центра, т. н. умеренные консерваторы, возглавлявшиеся Гизо. Король царствует, но не управляет—формула конституционалистов, принадлежавшая Тьеру.

- ¹⁴ Во времена террора [т. е. в 1793—1794 гг.]
- ¹⁵ Т. е. реставрация.
- ¹⁶ Старшая ветвь, т. е. Бурбоны, братья Людовика XVI, царствовавшие в 1814—1830 гг. под именами Людовика XVIII и Карла X. В 1830 г. революция заставила последнего отречься от престола в пользу своего малолетнего внука (сына убитого герцога Беррийского). Легитимисты называли его Генрихом V, хотя быть королем ему не пришлось, так как трон был отдан Луи-Филиппу Орлеанскому.
- ¹⁷ По праву завоевания, а не по праву рождения.
- ¹⁸ Короле Луи-Филиппе.
- ¹⁹ Если бы бог не существовал, его нужно было бы выдумать.
- ²⁰ Вопрос имени, а не принципа.
- ²¹ После переворота.
- ²² Временное правительство.
- ²³ Они приняли ее слишком всерьез.
- ²⁴ Не ради его прекрасных глаз.
- ²⁵ Узурпатором.
- ²⁶ О легитимности (законности) или божественном праве.
- ²⁷ Нет этого ореола хорошего вкуса, элегантности, порядочности.
- ²⁸ Извините.
- ²⁹ Париж—единственный в мире.
- ³⁰ Бон-шер—хороший стол; шер—дóроги. Не поддающаяся переводу двусмысленность.
- ³¹ Это не живость ума.
- ³² Это даже не распушенность, это дикая чувственность.
- ³³ Им безразлично, что доводит до эксцесса, будь то даже грязь или распушенность. Они в равной мере готовы удовлетворить свою большую нужду при пубlike, посреди зала, как и сделать что-либо другое.
- ³⁴ Будем справедливы.
- ³⁵ Герцогиня де Бозан однажды сказала: я возвращаюсь от буфонов.—Что там давали?—Отелло.
- ³⁶ Гаеры, шуты.
- ³⁷ Как тип аристократический.
- ³⁸ Умышленной, подчеркнутой вежливости.
- ³⁹ Свечина С. П., урожд. Соймонова (1782—1857), с которой А. И. Тургенева связывали старинные отношения, тайно перешла в католичество, уехала в Париж и возглавляла салон, имевший большое значение в определенных кругах. Вяземского, давнего атеиста, не могли притягивать религиозно-нравственные темы, которые были излюбленными в салоне Свечиной.
- ⁴⁰ Итальянских горлаков, т. е. певцов итальянской оперы.
- ⁴¹ Она была восхитительна, она превзошла себя!—О чем же она говорила?—О святой деде!
- ⁴² Считается признаком хорошего тона.
- ⁴³ «Gabrielle»—роман г-жи Ансело, Р., 1839; «Gerfaud»—роман Ch. de Bernard (1804—1850), Р., 1838.
- ⁴⁴ Это—вода.
- ⁴⁵ Вяземский имеет в виду философско-религиозные письма Ламартина: «L'homme», «Le prince», «L'Immortalité».
- ⁴⁶ «С о м н а м б у л а»—опера Беллини (1831), которую Вяземский, очевидно, слышал в Риме в 1834 г.
- ⁴⁷ Дюпре—см. примеч. 20-е к письму второму.
- ⁴⁸ Вяземский вспоминает на концерте в консерватории А. О. Смирнову, у которой в конце 30-х годов был роман с Н. Д. Киселевым, бывшим в те годы секретарем русского посольства в Париже.
- ⁴⁹ Le Peintre и Arnel—фамилии актеров, игравших в пьесах «Le mari vengé» и «Les Impressions du voyage». Встречающиеся далее имена Vernet и Paul Minet, вероятно, также имена французских актеров в Петербурге.
- ⁵⁰ Завадовская Е. М., урожд. Влодек; Рахманова, Е. А., урожд. Волкова; Обрескова, урожд. Зееланд,—вторая жена сенатора М. А. Обрескова; Мещерская В. С., урожд. Жихарева,—жена кн. Элима Петровича Мещерского.
- ⁵¹ Работница говорит мне: нет, это не ваш, это того господина, который в таком гневе.
- ⁵² Замок Монлувье.
- ⁵³ Я еще не слышал ничего особенно остроумного от народа наиболее остроумного в мире.

⁵⁴ Остроумные слова и ответы умерли вместе с Талейраном.

⁵⁵ Пословица говорит: «Как постелешь постель, так и будешь спать». В таком случае апрельское министерство должно будет заснуть в грязи. С начала кризиса выборов правительством (т. е. король) стремится внушить страх. Оно достаточно безобразно для этого. В конце этого месяца апрельские министры рискуют быть рассматриваемы, как бродяги. У них больше не будет жилья [игра слов: *chambre*—комната и *chambre*—палата депутатов, которая, очевидно, будет против министров].

⁵⁶ И что она портит это звание для других.

⁵⁷ Потому что кто до них дотронется, тот уколется сам.

⁵⁸ П е р е д и ж е р и р у ю т—переварят.

10

4 марта
20 февраля [1839 г.]

Вчера ездил я с Тургеневым в деревеньку за St. Cloud слушать проповедника Lacordaire¹, который едет на год в Рим и по возвращении своем думает основать в окрестностях Парижа с *cure* того прихода, где мы были, обитель доминиканцев. Лакордер еще молодой человек, приятной наружности и такие глаза, что под пару глазам дюшессы Валомбрез. Орган его выразительный. Самая проповедь не имела особенного достоинства, тем более, что мало была приготовлена и, так сказать, случайная. Но два-три места были выражены с живостью и красноречием. Вечером роут у Аппони. Давка, толкотня и бестолковость: нет простора и языку повертеться. Жаль мне, что я прогулял Гугенотов, и боюсь, что до отъезда моего их не дадут. Теперь готовится новая опера d'Aubert. Сегодня для бенефиса громогласного Юпитера-Лаблаша: *le nozze di Figaro*². Весь туалет! Тамбурины, Гризи, Персиани, жаль только, что не Рубини, а Иванов³, который поет и сладко, но приторно, вяло. Все виден в нем певчий, а не певец. А к тому же самолюбие, говорят, непомерное. Я говорил вам, что нет бонмотов, вот слышанный мною вчера, но давнишний: Вилель сказал: *il ne faut pas acheter les français une fois, mais chaque jour*⁴. И то правда, но не одними деньгами, а часто и сказками, журавлями в небе, я р л ы к а м и, как называю эти темы журнальных и парламентальных диспутов.

Вот два-три дня, что весна: тепло и светло. Деревья еще голы, но земля зелена, и воздух довольно голубоват, не по-италиански, но можно помириться и на этом, особенно как мороз по коже подерет, думая об вас. В Charivari Мейендорф⁵ назван: *le baron social*⁶. Вот этот ярлык хорош. Я к ним не хотел ехать, но они разными заманками учтивости вынудили мое посещение, и теперь мы в благопристойных и благовидных сношениях. Покои ее прелестно убраны маленьким музеем, и отчасти собственного рукоделия: она очень фашьонабельна и салон ее также. Замечательно, что три русские дамы, каждая в своем роде, играют здесь первейшие роли: Свечина по духовному отделению, к. Ливен по политическому, Мейендорф⁷ по артистическому и элегантному. Причислите к ним Завадовскую, которая, разумеется, первенствует здесь в пластическом мире, ибо красотою далеко превосходит всех прочих (я видел ее третьего дня в опере) и скажите неволью: знай наших!

¹ Л а к о р д е р Жан-Баптист-Анри (1802—1861)—католический проповедник, имевший огромный успех у слушателей. Под его сильным влиянием находилась С. П. Свечина. А. И. Тургенев также принадлежал к числу его поклонников и восторженно описал впечатления от его проповеди («Современник», 1863, т. I, стр. 285—286).

² «Свадьба Фигаро»—опера Моцарта, 1786 г.

³ Л а б л а ш, Т а м б у р и н и, Г р и з и, П е р с и а н и, Р у б и н и—крупнейшие итальянские оперные певцы и певицы. И в а н о в Николай Кузьмич—бывший певчий придворной капеллы, был послан в Италию для усовершенствования и не

вернулся в Россию. Обладал исключительной красоты тенором, пел в Риме, Париже, Лондоне.

⁴ Villèle Жан-Баттист-Серафен-Жозеф, граф (1773—1854), — французский политический деятель, глава ультрароялистов в эпоху Реставрации. Его слова в переводе: «Французов надо покупать не один раз, а каждый день».

⁵ Мейендорф Александр Казимирович, барон (1798—1805). В 30-х годах был направлен департаментом мануфактур и внутренней торговли во Францию агентом по части мануфактурной промышленности и торговли. Был склонен к разного рода реформаторским проектам, по большей части терпевшим неудачу.

⁶ Социальный барон.

⁷ Жена Мейендорфа, Елизавета Васильевна, занималась живописью.

[illegible][illegible]

АВТОГРАФ ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО К ДОЧЕРИ ИЗ ПАРИЖА ОТ 14 МАРТА 1839 г.
Страницы 2-я и 3-я, содержащие текст переписанного Вяземским письма к нему Шатобриана
Архив феодально-крепостнической эпохи. Москва

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

14/2 марта [1839 г.]

Жаль мне Сперанского! И за него, и за Россию, и за Валуева¹. Нетерпеливо ожидаю известия от вас о перемене, которая последует в участии Валуева. Мы получили письма ваши и письмо Булгакова², но ты, кажется, говоришь о стихах Хомякова, которых нет. Нового о себе сказать нечего. Министерства еще нет, но по всем вероятностям министерство будет совершенно левое, под влиянием Тьера хотя и под председательством Сульта³. Тьер связан обязательствами пред Одилон Барро⁴ и его шайкою, а Гизо не хочет подчинить себя их требованиям, а с ним и прочие доктринеры. Таким образом полагают, что новое министерство будет недолговечно, ибо в камере составится против него сильная оппозиция, из 221 приверженцев павшего министерства, к коим пристанут доктринеры, если не тотчас совести ради, то немного погодя. Я вчера встретил Гизо у к. Ливен. Он казался довольно смутен, извинился предо мною, что у меня еще не был, сказывая *qu'il étoit tellement occupé, fort sottement je*

*l'avoue*⁵,—прибавил он. Ему предлагали посольство в Лондоне, но он не хочет быть обязан Тьеру, считая себя равным ему, и требует внутреннего министерства, которого левая сторона, ныне господствующая, дать ему не хочет, ибо оно имеет натурально большое влияние на дела и на мнения в государстве, и может парализировать все покушения касательно внешних сношений и вообще всех перемен, которые левая сторона имеет в виду. Если, и кажется нет в том сомнения, Тьер будет министром иностранных дел, то вероятно Баранту⁶ не усидеть в Петербурге. Да чорт ли в этой проклятой политической разногласице, которая дерет уши и души! То ли дело стройноголосица моих милых итальянцев? На днях был утренний концерт, в котором они все пели и никогда не имел я подобного музыкального наслаждения. Это было лучше лучшей оперы. Все были в голосе, в духе и прекрасный выбор музыки. Персиани выделяла чудеса, выливая стройные, звучные перлы в арии *Somnambula*. Восторг и рукоплескания, коими наградили пение ее, подбили и подстрекнули соперничество и ревность Гризи, которая также превзошла себя. Я в первый раз видел тут Гризи вблизи и днем. Она совершенная красавица и в комнате лучше, нежели на сцене. Лаблаш также очень хорош во фраке и имеет что-то юпитерское не только в голосе, но и в голове прекрасной, благородной, и дородство его, которое так забавно на сцене в ролях Лепарело, Фигаро и шарлатана в *Elixir d'amour*⁷, тут запросто исполнено сановитости и грандиозности. Даже Иванов лучше Ивановым, нежели героическим любовником и он прекрасно пропел баркароллу из Марино Фалиеро⁸. Одна бестия подгадила концерт, какая-то харя, старуха Този, которая имела наглость петь тут после Гризи и Персиани, делая рулады глазами и моргая косым голосом. Я перевел для Шатобриана статью Пушкина о переводе его потерянного рая⁹ и вот что он мне отвечал:

Prince, j'ai lu avec le plus vif intérêt l'article que vous avez bien voulu traduire: je ne m'y suis point cherché; j'y ai cherché l'illustre poète que la France pleura avec la Russie. Le suffrage de M. Pouchkine me donneroit trop d'orgueil, si j'attachois encore quelque prix à mon peu de valeur; mais dans la dissolution de la société, il me sembleroit puéril d'attacher une importance quelconque à des opinions politiques ou littéraires: là où il n'y a plus rien, ce seroit moquerie d'essayer de mettre sa personne.

Recevez, Prince, je vous prie, mes remerciements sincères et l'assurance de ma haute considération.

Chateaubriand

Можете принять это за facsimilé Шатобриана, так рука его сбивается на мою, только буквы крупнее. Я познакомился с Нодье. Добрый и простодушный старик, но на беду водил меня к нему болтун Сиркур¹⁰, который почти один говорил, и очень был доволен беседою своею, говоря мне после qu'il n'avait jamais trouvé Nodier aussi aimable¹¹. От него пошел я уже один к V. Hugo, который меня принял также очень вежливо, но по несчастию все здешние поэты помешались на политике, и нет способа затянуть их в разговор чисто литературный. V. Hugo живет Place Royale, которая сохранила свой древний вид эпохи Людовика XIII. Довольно большая площадь, обстроенная или обр а м л е н н а я, encadrée четвероугольным зданием красного и белого цвета с галлереею внизу. Не дога-

ИЗ ПАРИЖСКИХ ЗАРИСОВОК

П. И. ЧЕЛИЩЕВА, 1840 г.

Литературный музей, Москва

даешься, что это часть Парижа. Hugo сказал мне que Corneille s'étoit promené sous ce voût¹². Он красив, и имеет что-то сходное или сбивающееся на Александра Обрескова, мужа Сологуб. Жена его, рассказывают, красавица, но я не видал ее. Живут они между собою романтически, а не классически. Он уже несколько лет в связи с актрисою которого-то из маленьких театров и в совершенном подданстве у нее. Она, рассказывают, также имеет утешителя, то есть жена. Он с большим уважением говорил мне о даровании Ламартина. Здесь это диковинка, потому что все литераторы здесь во вражде между собою, или в совершенном равнодушии. Кстати о литературе: неужели письма мои также вялы, глупы и пошлы как письма Греча? Читая его, вижу, что во многом мы почти одинакового мнения, но в том, что он говорит, есть что-то канальское, лакейское, и это меня пугает и смущает. Ради бога, скажите мне чистосердечно правду. От страха и во избежание сходства, я готов броситься в коалицию и быть на коленях перед французами и Франциею. Уж и то меня тошнит, что с кем я из литераторов ни познакомлюсь, каждый спрашивает меня о Грече¹³, и я, чтобы сору из избы не выносить, должен говорить часто против совести. Каналья даже восхищается Рубини и Гризи. Что же мне после того остается? Правда, он упоминает, что поцеловал порусски трижды Николая Кузьмича Иванова¹⁴ (!!!!). В этом не сойду с ним, и постараюсь для отличия, хотя однажды поцеловать по-италиански Гризи.

¹ Эти строки являются откликом Вяземского на смерть Сперанского, последовавшую 11 февраля 1839 г. Сперанский был начальником по службе П. А. Валуева (1814—1890), мужа дочери Вяземского, Марии Петровны, к которой обращено настоящее письмо. Сожаления о Сперанском «за Россию» характеризуют сильное поправление Вяземского. В эпоху жизни в Варшаве Вяземский презирал Сперанского за его измену либеральным убеждениям первых лет деятельности и так определил свое отношение к нему: «Стал ненавистен мне угодник самовластья», 1819 г.

² Булгаков А. Я. (1781—1863)—московский почт-директор, старинный приятель Вяземского.

³ Soult (1769—1851)—маршал Франции, военный министр и министр иностранных дел при Луи-Филиппе.

⁴ Barro Одилон (1791—1875)—французский политический деятель, руководитель умеренно левой, поддерживавший министерство Тьера.

⁵ Сказывая, что он был так занят, и очень глупо, уверяю вас,—прибавил он.

⁶ *Vaillant* Проспер-Брюньер (1782—1866)—французский посланник в Петербурге с 1835 по 1841 гг.

⁷ «Любовный напиток» — опера Доницетти (1797—1848).

⁸ Опера Доницетти.

⁹ Вяземский перевел для Шатобриана статью Пушкина «О Мильтоне и Шатобрианом переводе Потерянного Рая», которая была напечатана после смерти автора в V томе «Современника» за 1837 г.

Перевод письма Шатобриана:

Князь! С живейшим интересом прочел я статью, которую вы изволили перевести: я отнюдь не искал в ней себя; я искал в ней знаменитого поэта, которого Франция оплакивает вместе с Россией. Одобрение г. Пушкина преисполнило бы меня гордостью, если бы я еще придавал какую-нибудь цену своему скромному значению; но при настоящем разложении общества мне казалось бы ребячеством придавать какую-либо важность мнениям политическим и литературным: там, где не существует более ничего, смешно было бы пытаться выставлять свою личность. Примите, князь, я вас прошу, выражения моей искренней благодарности и уверения в моем глубоком уважении.

Шатобриан.

Письмо Шатобриана было напечатано нами вместе с другими выдержками из писем Вяземского, касающимися Пушкина, в «Лит. Наследстве» № 16—18, стр. 811.

¹⁰ *Circourt* Адольф, граф (1801—1879),—французский публицист и литератор, женатый на русской и находившийся в приятельских отношениях с А. И. Тургеневым.

¹¹ Что он никогда не видел Нодье столь любезным.

¹² Что Корнель прогуливался под этим сводом.

¹³ Вяземский имеет в виду книгу Греча, вышедшую в 1839 г.: «Путевые письма из Англии, Германии и Франции».

¹⁴ О Н. К. Иванове см. прим. 3-е к 10-му письму.

12

18/6 марта [1839 г.]

Здесь деятели все еще не разрешились министерством. Ломать легко, а строить трудно. Вероятно, предположения мои, выведенные в начале письма, сбудутся. На днях встретил и слушал у дюшессы Бозан знаменитого Берье¹. Краснобай и только. Легитимисты для меня преступнее других здешних возмутителей. Другие по крайней мере добросовестны в своих видах: революция, то есть республика для них цель, а для легитимистов она средство. Они знают, что нынешняя Франция не хочет реставрации, а доказательство тому, что число приверженцев ее в камере ничтожно, но они надеются, что если Франция снова взбесится и обгадится потоками крови, то, может быть, авось, от утомления и в отчаянии прибегнет она опять к старшим Бурбонам. Они не скрывают этих помыслов и этой надежды. *Et c'est ici le parti vertueux, le parti moral*², которая так судит и располагает судьбами Франции. Между тем я еще познакомился довольно коротко с гг. *Lésage, Soufflard, Eugénie Aliette* и проч. à la cour d'assise³. Третьего дня был я там от 9-10 ч[аса] утра до шестого с женою и к. Мещерскою *Basile*. Вчера был день комплектный: утром слушал Гризи, Рубини и весь итальянский туалет, вечером видел Ельслер в качуче, а позднее с четверть часа разговаривал у австрийского посла с дюшессою Валомбрез.

¹ *Berryer* Пьер-Антуан (1740—1868)—сын известного адвоката Никола́ Берье (1757—1841), сам также адвокат, прославившийся выступлениями в ряде политических процессов и политический деятель. Один из виднейших легитимистов, принадлежавший к группе легитимистов, сочетавших приверженность к традиционной монархии с защитой либеральных идей.

² И такова здесь партия добродетельная, партия нравственная.

³ В зале суда.